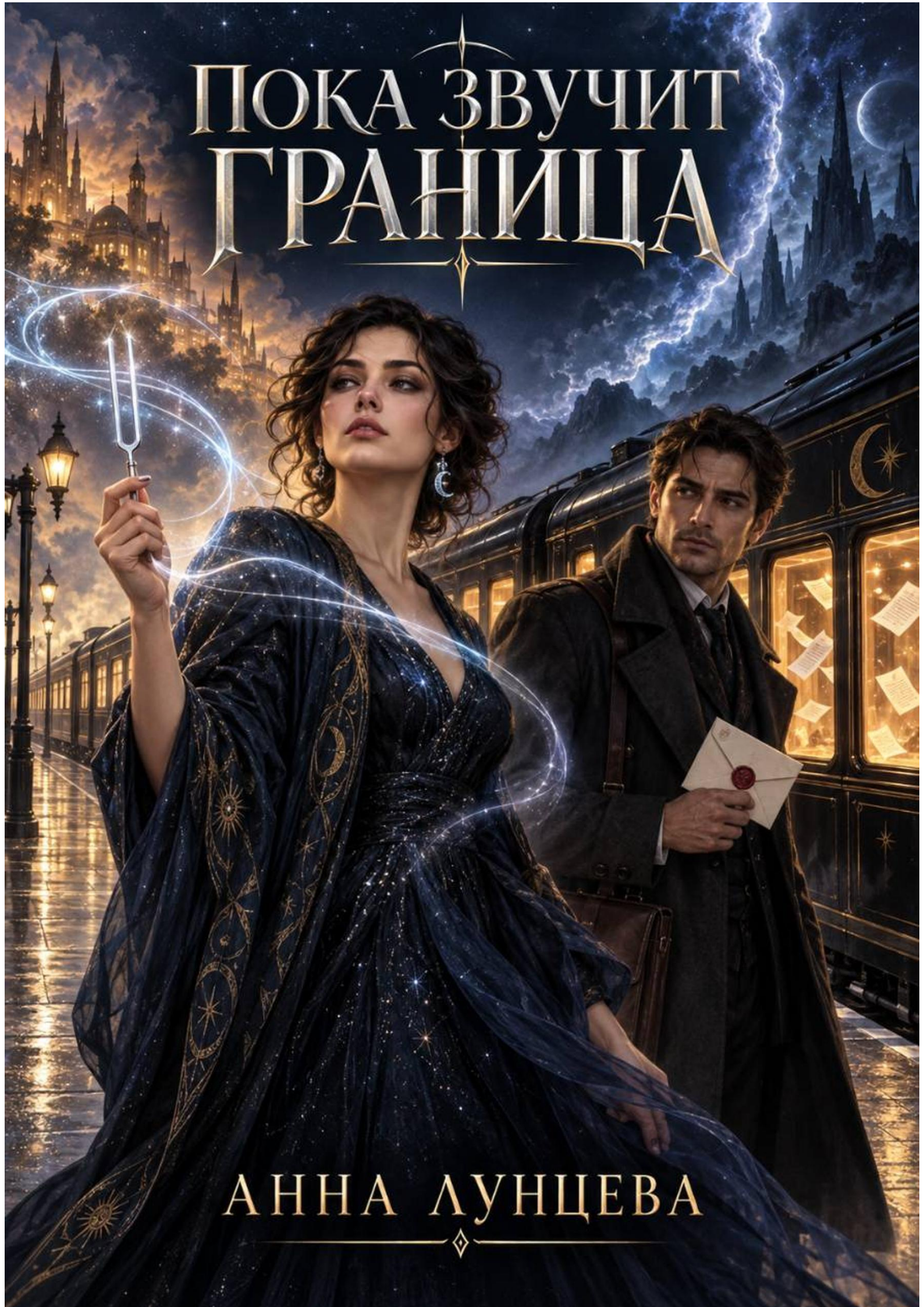

ПОКА ЗВУЧИТ ГРАНИЦА

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Пока звучит граница

«Автор»

2026

Лунцева А.

Пока звучит граница / А. Лунцева — «Автор», 2026

Певица Лада Рен удерживает голосом границы между мирами. После концерта она узнаёт, что её запись звучит на станциях без разрешения, а ночной поезд доставляет людям письма, которые они только могут написать в ближайшем будущем. Стоит прочесть такой текст — и один из вариантов судьбы начинает вытеснять остальные. Почтовый инспектор Ивар Сенн прибывает из вероятности, где уже любил Ладу, но его память не даёт ему прав в настоящем. Вместе они раскрывают систему, превращающую возможные письма в удобные для города решения. Чем ближе катастрофа, тем настойчивее от Лады требуют согласиться на вечную песню и навсегда потерять возможность замолчать. Чтобы вернуть людям выбор, ей придётся остановить поезд, отказаться от красивой жертвы и доказать: границу способен держать не один незаменимый голос, а множество разных голосов, каждый из которых имеет право на паузу.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Песня после финала	6
Глава 2. Инспектор из четверга	12
Глава 3. Право не читать	19
Глава 4. Шов в голосе	27
Глава 5. Тридцать дней вперёд	34
Глава 6. Письмо I: «Не садись в поезд»	39
Глава 7. Двенадцать станций	42
Глава 8. Чужая память о поцелуе	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анна Лунцева

Пока звучит граница

От автора

Мы часто думаем о голосе как о даре: возможности сказать, предупредить, удержать другого от ошибки. Но у дара есть граница. Если человек обязан звучать всегда, голос перестаёт принадлежать ему.

Эта история — о певице, ночном поезде и письмах, которые ещё никто не написал. В ней будущее умеет соблазнять готовыми ответами, а близость требует отказаться от знания за другого. Пусть путь через Арден напомним: право быть услышанным невозможно отделить от права замолчать.

Глава 1. Песня после финала

Последнюю ноту Лада держала восемь ударов сердца.

На шестом под потолком концертного зала погасли янтарные лампы. На седьмом за высокими окнами проступила Складка — тонкая серебряная линия, отделявшая ночной Арден от неба, которого здесь быть не могло. На восьмом линия выпрямилась, и Лада разжала пальцы.

Она не оборвала звук — отпустила его, как учили в училище границ: медленно сняла давление с диафрагмы, дала залу забрать последний обертон и только потом закрыла рот. Тишина вернулась не сразу. Сначала осыпалось эхо под куполом. Затем перестали дрожать медные подвески вдоль стен. И лишь после этого две тысячи зрителей одновременно вспомнили, что можно дышать.

Аплодисменты ударили в сцену.

Лада поклонилась вместе с хором. Соня Вель слева сияла так, будто сама придумала овацию, справа басы уже переглядывались с облегчением. Для публики концерт закончился удачно: северный участок Складки удержан, чужое небо исчезло, праздничная программа исполнена без единого срыва. Никто, кроме певцов, не заметил, что третья медная подвеска продолжала дрожать.

Лада заметила.

Она выпрямилась и посмотрела в боковую галерею. Подвеска качалась едва заметно, хотя воздух стоял неподвижно. Серебряная пластинка то ловила свет рамп, то становилась чёрной. В ней оставался звук — не эхо, а ровный высокий обертон её последней ноты.

Соня взяла Ладу под локоть и повела к кулисе.

— Улыбнись, — прошептала она, не переставая кланяться. — Если сейчас сделаешь своё лицо «город обречён», дирекция потребует бис.

Лада улыбнулась. По крайней мере, сделала то движение мышцами, которое из дальнего ряда могло сойти за улыбку.

— Третья подвеска звучит.

— После такого финала я тоже звучу. Особенно колени.

— Моим голосом.

Соня перестала шутить. Они скрылись за тяжёлой кулисой, и шум зала сделался глухим, словно прибой за стеной. Помощники уже катили стойки, кто-то искал потерянную ноту в партитуре, распорядитель сцены показывал хору на лестницу. Обычная послеконцертная суета накрыла их тёплым, пахнущим пылью и гримом облаком.

Лада подняла палец.

В служебном коридоре тоже звучала нота.

Не та, что могла просочиться из зала. Эта шла из квадратных решёток под потолком — из станционной системы оповещения, подключённой к пограничным усилителям. Чистая, без дыхания, она была похожа на Ладин голос так же, как восковая маска похожа на лицо: все черты на месте, а жизни нет.

— Запись, — сказала Соня.

— После финала записи должны быть обесточены.

— Значит, кто-то забыл.

Лада повернулась к ней.

— Станционные контуры нельзя забыть включёнными.

Из зала вызвали хор на второй поклон. Соня оглянулась на кулису, потом на Ладу. В её взгляде столкнулись обязанности хормейстера и здравый страх человека, выросшего рядом со Складкой.

— Я выведу их без тебя, — решила она. — И найду дежурного техника.

— Найди Майю.

— Твоя сестра сидит у пульта и наверняка уже ругается громче нас обеих.

Лада коснулась её запястья в знак благодарности и пошла против движения артистов. Ей пришлось протиснуться между тенорами, снять с плеча чужую бархатную мантию и дважды ответить, что с ней всё хорошо. Это была привычная цена заметности: если ведущая певица после концерта бледна, люди видят не усталость, а прогноз бедствия.

У двери аппаратной стоял охранник.

— Госпожа Рен, вход закрыт до окончания проверки.

— Кто распорядился?

— Центральная дирекция.

— Когда?

Он взглянул на табличку наручных часов.

— Семь минут назад.

Семь минут назад Лада ещё пела. Распоряжение успело прийти до того, как она заметила неисправность.

— Внутри моя сестра.

— Госпожа Рен...

— И внутри используется мой голос после прекращения моего согласия.

Охранник отвёл глаза. Все служащие границы знали формулу согласия, её печатали на билетах и контрактах: живой осознанный голос действует, пока певец продолжает звук. Записи годились для обучения, настройки пустого контура, проверки акустики — для чего угодно, кроме удержания Складки. Так утверждали правила. Так Лада говорила себе всякий раз, когда ставила подпись под очередным разрешением на архивирование концерта.

Из-за двери донёсся грохот, потом голос Майи:

— Если вы ещё раз закроете от меня мой же пульт, я сниму дверь вместе с петлями!

Охранник вздохнул и отступил.

— Я ничего не видел.

— Видели, — ответила Лада. — И правильно сделали, что пропустили.

Аппаратная была узкой, жаркой и слишком яркой после сцены. На столах рядами горели индикаторы. Майя Рен, коротко стриженная, в серой рабочей куртке поверх праздничной блузки, стояла на коленях перед раскрытым шкафом усилителей. В зубах у неё был зажат провод. Ещё двое техников смотрели на схему центрального контура и старались не попадаться ей под руку.

Лада закрыла дверь. Нота стала отчётливее.

— Это не петля из зала, — сказала она.

Майя выплюнула провод в ладонь.

— Я тоже рада тебя видеть.

— Откуда она идёт?

— Если бы я знала, дверь уже лежала бы в коридоре.

Майя указала отвёрткой на панель. Двенадцать зелёных огней обозначали двенадцать станций Ардена, на которых голос певцов входил в медные жилы пограничного контура. После концерта каждый огонь должен был погаснуть. Сейчас одиннадцать были тёмными. Тринадцатый, без подписи, мерцал белым.

Лада наклонилась ближе.

— Здесь двенадцать линий.

— Спасибо, меня всё-таки учили считать.

— Тогда что это?

— Контакт без гнезда. Его не было на утренней проверке.

Майя поддела ногтем узкую латунную пластинку. Белый огонь дрогнул, нота в решётках стала громче. Лада ощутила, как звук отзывается под грудиной. Запись была собрана из её голоса настолько точно, что тело пыталось продолжить чужое дыхание. Она прижала ладонь к рёбрам.

— Выключи.

— Уже трижды.

— Физически.

— Сняла питание со всего восточного крыла. Оно продолжило играть.

Один из техников кашлянул.

— Возможно, остаточный заряд.

Майя медленно обернулась к нему.

— На восьмую минуту? В линии, рассчитанной на две секунды остатка?

Техник снова уткнулся в схему.

Лада закрыла глаза. Нота не была цельной. Под безупречной поверхностью прятались швы: вдох из весеннего концерта, атака звука с осенней тревоги, вибрато из учебной записи, которую она сделала для Майи много лет назад. Кто-то собрал продолжение из разных мгновений её жизни.

И всё же Складка слушалась.

За стеной, далеко за камнем и городскими улицами, граница оставалась натянутой. Лада чувствовала её так же, как певец чувствует боковым зрением край сцены. Живого решения в звуке не было, но механизм держался — или делал вид, что держится.

— Открой внешний датчик, — попросила она.

— Лада, ты только что отпела два часа.

— Поэтому я знаю, где закончился мой голос.

Майя спорить не стала. Провела ладонью над тремя клавишами, и на матовом стекле возникло изображение северной станции. Платформа лежала под дождём. За путями серебрилась Складка, а в ней, будто под тонким льдом, двигались смутные тени возможных улиц.

Записанная нота поднималась над платформой бледным кольцом.

При каждом повторе кольцо становилось уже.

— Оно не удерживает границу, — сказала Лада. — Оно стягивает её.

Майя приблизила показания.

— Разница в четыре десятых.

— Уже шесть.

— Показатель не успел обновиться.

Лада знала Складку голосом, а не цифрами. Она слышала, как пространство сопротивляется навязанной форме. Если продолжить, северный шов не разойдётся наружу — он втянется внутрь, потащив за собой станцию, пути и ближайшие дома.

— Где аварийный разрыв?

— На платформе. Механический.

— Я еду туда.

— Нет. — Майя встала так быстро, что ударилась плечом о дверцу шкафа. — Ты едешь домой, пьёшь воду и молчишь до полудня. Я пошлю бригаду.

— Сколько до критического сжатия?

Майя посмотрела на стекло. Белые цифры сменились дважды.

— Если скорость сохранится, сорок минут.

— Последний городской состав ушёл десять минут назад. Бригада приедет через час.

Сестра выругалась вполголоса.

Лада сняла со стойки свой серебряный камертон. После концерта он казался тяжёлым, будто налился водой. На рукояти ещё хранилось тепло её ладони.

- Мне не надо петь, чтобы дёрнуть рычаг.
- Именно это говорят люди перед тем, как начинают петь.
- Тогда поедешь со мной и не позволишь.
- У тебя репетиция в девять.
- Теперь нет.

Эти два слова оказались труднее финальной ноты. Обязательная репетиция следующего контура значилась в её расписании три месяца. За пропуск дирекция могла приостановить лицензию, хор лишился оплаты, а северная станция — назначенной певицы. Лада почти почувствовала, как невидимый список последствий ложится ей на плечи.

Но белый огонь на панели продолжал мигать безмянным тринадцатым пунктом.

Майя поняла всё по её лицу.

- Я оформлю технический вызов.
- Они его не признают.
- Зато не смогут сказать, что не знали.

Служебный лифт опустил их под концертный зал, туда, где городские коридоры соединялись с почтовыми тоннелями. Лада успела смыть сценическую краску с губ, накинуть длинное тёмное пальто и обменять туфли на оставленные в гримёрной ботинки. Волосы всё ещё были стянуты концертными шпильками; каждая отдавалась болью при шаге.

Внизу пахло мокрым железом и бумагой.

Официально почтовая линия закрывалась в полночь. После неё по Ардену ходил только один состав — «Эпистола», ночной поезд дальних писем. Его расписание не публиковали, потому что он перевозил корреспонденцию между станциями через узкие безопасные коридоры вдоль Складки. Горожане замечали его редко: чёрные вагоны без номеров, тусклые окна, звон, похожий на шелест переворачиваемых страниц.

Майя открыла гаражный шкаф и выкатила путевую дрезину.

- Датчик показывает тридцать четыре минуты.
- За двенадцать доедем.
- Если рельс свободен.

Лада поставила камертон в крепление и села рядом. Дрезина тронулась рывком. Свет концертного подземелья остался позади, впереди сомкнулся тоннель.

Первые минуты они ехали молча. Колёса выбивали мерный ритм, слишком похожий на счёт перед вступлением. Лада старалась дышать поверхностно. Голосовые складки саднили, но хуже была чужая нота, которая теперь проходила прямо по медным жилам вдоль пути. Здесь она слышалась не из решёток — рельсы сами пели Ладиным голосом.

— Ты давала разрешение на монтаж? — спросила Майя.

— На учебные фрагменты. На архив концертов. На аварийную настройку без подключения к Складке.

— Формулировка в последнем контракте?

— «Использование записанного материала для обеспечения непрерывности службы».

Майя сильнее сжала управляющий рычаг.

- Я говорила не подписывать слово «непрерывность».
- А юрист дирекции сказал, что без него они не оплатят хор.
- И ты выбрала хор.
- Я выбрала оплату работы, которую люди уже сделали.

Это прозвучало резче, чем Лада хотела. Майя отвернулась к пути. Между ними было слишком много старых разговоров о том, сколько решений можно считать свободными, если за каждым стоит безопасность города и заработок тридцати певцов.

- Я не обвиняю тебя, — сказала сестра после паузы.
- Знаю.

— Обвиняю себя. Я проверяла контур.

— И не нашла того, чего утром не существовало.

Впереди блеснул сигнальный огонь. Майя ударила по тормозу. Дрезина взвизгнула и остановилась в нескольких шагах от опущенного барьера.

На столбике горела надпись: «МАРШРУТ ЗАНЯТ».

— «Эпистола» уже прошла, — сказала Майя.

— Значит, это не она.

Они прислушались.

Сначала Лада решила, что слышит кровь в висках. Потом из глубины тоннеля донёлся перестук колёс. Медленный, осторожный. Он приближался со стороны северной станции, хотя встречного пути там не было.

Майя включила переговорную трубку.

— Центральная, назовите состав на северной ветке.

В ответ зашипели помехи. Сквозь них на миг прорезался женский голос. Ладин голос.

Он пел ту же последнюю ноту.

Барьер поднялся сам.

Из темноты появился поезд.

У него не было фонарей. Чёрный локомотив двигался почти бесшумно, и лишь тонкие серебряные строки бежали по его бокам, возникая и исчезая прежде, чем их можно было прочесть. За локомотивом тянулся один вагон — почтовый, старого образца, с круглым окном в двери. За стеклом клубился не свет, а сероватая белизна, похожая на пустую бумагу.

Дрезина стояла на том же рельсе.

— Назад! — крикнула Лада.

Майя рванула рычаг, но двигатель захлебнулся. Поезд приближался. Двадцать шагов. Пятнадцать. Серебряные строки на его борту складывались в даты. Лада успела увидеть завтрашнее число, затем имя незнакомого человека, затем слово «отказ».

Она схватила камертон и ударила им о край дрезины.

Чистый звук пронзил тоннель. Лада не запела — только направила металлическую ноту поперёк медной жилы, как клин. Чужая запись в рельсах дрогнула. На одно мгновение контур перестал узнавать её голос.

Поезд исчез.

Не затормозил, не свернул. Просто оказался прозрачным, прошёл сквозь дрезину холодным бумажным ветром и растаял за спиной. Ладу обдало запахом чернил. Сотни невидимых листов коснулись лица и рук. Где-то совсем рядом люди шептали слова, которые ещё не решились сказать.

Потом тоннель снова стал пустым.

На коленях у Лады лежал конверт.

Майя долго не двигалась. Её пальцы всё ещё сжимали бесполезный рычаг.

— Ты это видела? — спросила Лада.

— Если скажу «нет», мы поедем домой?

— Нет.

— Тогда видела.

Конверт был плотным, цвета зимнего неба. Ни марки, ни почтовой печати. На лицевой стороне чернилами выведено: «Ладе Рен». Почерк казался знакомым, но Лада не могла вспомнить откуда.

Она перевернула конверт.

На обороте стояла завтрашняя дата.

Ниже — подпись.

Лада Рен.

Собственное имя она узнала не по буквам, а по привычке руки: длинный первый штрих, тесно прижатые последние две буквы, точка, которой она всегда случайно касалась строки. Так она расписывалась в ведомостях, на разрешениях и контрактах. Так подписывала решения, которые потом называли добровольными.

— Не открывай, — сказала Майя.

— Я не собиралась.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как сделать ровно то, что собиралась.

Лада провела пальцем по краю. Бумага была тёплой. Внутри что-то едва слышно шуршало, словно письмо продолжали писать прямо сейчас.

Нота в рельсах оборвалась.

Обе разом посмотрели на внешний датчик дрезины. Скорость сжатия северного шва упала до нуля. Затем показатель начал медленно возвращаться к норме.

— Поезд питал тринадцатый контакт, — сказала Майя. — Или контакт вызывал поезд.

— На станции узнаем.

— Лада.

— Что?

— Завтра утром ты не пойдёшь на репетицию.

Это не было вопросом. Лада убрала письмо во внутренний карман пальто. Конверт лёг напротив сердца, слишком тёплый и слишком лёгкий для вещи, способной изменить расписание целого города.

— Нет, — ответила она. — Сначала я узнаю, кто заставил мой голос звучать после финала.

Майя перезапустила двигатель. На этот раз дрезина послушалась.

Они двинулись к северной станции, а далеко позади, там, где исчез невозможный поезд, один раз звякнул почтовый колокол.

Лада не обернулась.

Глава 2. Инспектор из четверга

Северная станция встретила их дождём, хотя над остальным Арденом ночь была сухой.

Вода падала только над платформой — ровной завесой от стеклянного навеса до путей. Каждая капля, долетев до плит, на миг превращалась в крошечную букву. Лада различала «я», «не», «если», но слова тут же расплывались под колёсами дрезины.

— Местные осадки, — пробормотала Майя. — Ненавижу местные осадки.

Она остановила дрезину у служебной лестницы и взглянула на датчик. Северный шов медленно возвращался к норме, однако белая точка тринадцатого контакта не погасла. Она переместилась по схеме и теперь мигала у конца платформы.

Лада выбралась на мокрые плиты. Письмо под пальто нагревало кожу. Ей хотелось переложить его в сумку Майи или запереть в станционном сейфе, но это значило бы сделать другого человека хранителем вещи, правил которой они не понимали.

На станции никого не было.

Касса закрыта. Часы над залом ожидания показывали без семи час, хотя до полуночи оставалось двадцать три минуты. Стрелка дёргалась между средой и четвергом на маленьком календарном окошке, не решаясь перейти границу даты.

— Центральная, северная станция, — сказала Майя в переговорную трубку у стены. — Требуется немедленное подтверждение отключения всех контуров.

Из трубки ответил шелест бумаги.

— Очень содержательно, — сказала она.

Лада подошла к краю платформы. За дальним рельсом серебрилась Складка. Обычно она была похожа на вертикальную реку, отражавшую Арден с небольшим запозданием. Сегодня отражение опережало мир. В серебре Лада уже стояла, подняв руку к карману, хотя в действительности ещё не двигалась.

Она опустила ладонь.

Отражение задержалось на долю секунды и сделало то же.

— Не смотри туда долго, — предупредила Майя. — После сжатия она показывает ближайшие варианты.

— Я знаю.

— Знать и слушаться — разные профессии.

Из тоннеля донёсся почтовый колокол.

Один удар. Пауза. Ещё два.

Майя подняла датчик. Белая точка замерла у платформы.

— Рельс пуст.

— В прошлый раз тоже был пуст.

Дождь прекратился одновременно, будто кто-то захлопнул книгу. Вода на плитах собралась в тонкие строки и потекла к краю. Часы щёлкнули. Календарное окошко наконец показало четверг.

Поезд возник между одним ударом сердца и следующим.

Теперь у него было три вагона. Чёрный локомотив остановился без скрежета, серебряные строки на борту погасли. Дверь среднего вагона открылась прямо напротив Лады.

На ступени стоял мужчина в дорожном пальто.

Он был высок, темноволос, без шляпы, хотя по вискам стекала вода, которой секунду назад не существовало. Одной рукой держался за поручень, другой прижимал к груди плоский кожаный футляр с почтовой печатью. Выглядел он не загадочным посланцем, а человеком, который трое суток не спал и всё это время спорил с расписанием.

Увидев Ладу, он закрыл глаза.

Не от удивления. От облегчения.

Это ей не понравилось сильнее, чем невозможный поезд.

— Не открывай письмо, — сказал он.

Лада не двинулась.

— Добрый вечер. Назовите себя и объясните, почему ваш состав использует мой голос.

Мужчина спустился на платформу. Дверь за ним осталась открытой, но внутри вагона не было ни полок, ни ламп — только белизна, исписанная движущимися строками.

— Ивар Сенн, старший инспектор Службы почтовых вероятностей. Удостоверение в футляре. Письмо у тебя во внутреннем кармане, на нём завтрашняя дата и твоя подпись. Не вскрывай его ни здесь, ни где-либо ещё.

Майя встала рядом с сестрой.

— Из какой дирекции вы приехали? В Ардене нет службы с таким названием.

— Пока нет.

— Удобный ответ.

— Не особенно. — Ивар посмотрел на часы над залом. — У нас девять минут до повторного сцепления.

Лада рассматривала его лицо. Тридцать пять или чуть больше. На правой брови тонкий шрам. Пальто застёгнуто неверно, одна пуговица пропущена — мелочь, неожиданно человеческая для человека из несуществующей службы. И всё же тревожило другое: он смотрел на Ладу так, будто знал, что она сейчас скажет.

— Почему вы обратились ко мне на «ты»?

Он замер.

— Ошибка.

— Нет. Ошибка — перепутать станцию. Вы сказали это привычно.

Ивар перевёл взгляд на Майю, словно искал помощи, но та скрестила руки.

— Госпожа Рен, — произнёс он подчёркнуто официально, — содержимое конверта представляет риск причинного закрепления. Я прошу передать его мне нераспечатанным.

— А я прошу объяснить, откуда вы знаете, где он лежит.

— Потому что уже видел этот вечер.

Часы щёлкнули ещё раз. Минутная стрелка не сдвинулась, зато окошко даты вернулось к среде.

Лада почувствовала, как письмо нагрелось сильнее.

— Здесь? — спросила Майя.

— Не совсем здесь. В ближайшей ветви четверга.

— Сегодня среда.

— Для вас.

Майя вытащила из кармана складной пробник и направила на инспектора. Тот не сопротивлялся. На пластинке зажглись три огня: живой человек, местная материя, временное смещение.

— Он не отражение, — тихо сказала она Ладе.

— Это должно успокаивать?

— Меня — немного.

Ивар расстегнул футляр двумя пальцами, показывая, что не тянется к оружию. Внутри лежало удостоверение. На серой бумаге значились его имя, должность и дата выдачи: через одиннадцать лет. Под ними стояла эмблема Ардена — раскрытый конверт поверх двенадцати линий. Тринадцатая была перечёркнута.

Майя взяла карточку щипцами пробника.

— Бумага изготовлена здесь, — сказала она. — Чернила тоже. Печать...

— Ещё не утверждена, — закончил Ивар.

— Я хотела сказать «самонадеянная».

Лада не улыбнулась. Девять минут, сказал он. Оставалось, вероятно, семь. Но срочность была самым старым способом заставить человека принять чужое решение.

— Что произойдёт, если я прочту письмо?

— Один вариант завтрашнего дня станет тяжелее остальных.

— Насколько?

— Зависит от того, кто читает, где и при каких свидетелях.

— Что в моём?

Ивар отвёл взгляд к Складке.

— Я не знаю.

Она услышала ложь не в голосе, а в слишком аккуратной паузе перед ответом.

— Вы знаете достаточно, чтобы приехать за ним.

— Я знаю последствия одного прочтения. Текст мог измениться.

— Кем оно написано?

— Возможной версией автора. Иногда человеком, который собирался написать письмо в ближайшие тридцать дней. Иногда тем, кто лишь подумал достаточно связно. «Эпистола» вытягивает намерение раньше бумаги.

— И развозит его без согласия? — спросила Майя.

— Поэтому маршрут должны были закрыть.

— Но не закрыли.

— В моей ветви — слишком поздно.

Складка за путями вздрогнула. В серебре появились три версии платформы. В одной Ивар держал Ладу за плечи. В другой лежал на плитах. В третьей платформа была пуста, а над городом тянулись светящиеся нити её голоса.

Лада отвернулась.

— Вы меня знаете, — сказала она.

Ивар застегнул футляр.

— Знал.

— Это разные слова.

— Да.

— Насколько близко?

Майя негромко выдохнула, но не вмешалась.

Ивар ответил не сразу:

— Достаточно, чтобы однажды ты попросила меня не принимать память за право.

Ладе захотелось сделать шаг назад. Она осталась на месте.

Ни один незнакомец не имел права приносить ей готовую близость и требовать, чтобы она поместилась в неё. Даже если для него воспоминание было настоящим. Особенно если было.

— Тогда вы уже знаете мой ответ. Всё, что происходило с другой мной в другом четверге, не происходило со мной.

— Знаю.

— Не смотрите на меня так, будто я опоздала на нашу встречу.

Он опустил глаза.

— Справедливо.

Простое согласие обезоружило её сильнее возражения. Лада ожидала уговоров, боли, попытки сделать её виноватой перед чужим прошлым. Ивар лишь отступил на шаг, возвращая ей пространство.

В вагоне за его спиной зашелестели строки.

— Пять минут, — сказал он. — После сцепления поезд попытается вернуть письмо. Если конверт окажется открытым, закрепится не только содержание, но и обстоятельства чтения.

— А если отдать вам?

— Я помещу его в нулевую ячейку. Там его нельзя прочесть до рассоединения маршрута.

— Почему я должна доверять человеку, который начал разговор с приказа?

Ивар поморщился.

— Не должны. И да, начал плохо.

Майя вернула ему удостоверение.

— Нулевая ячейка в вагоне?

— В инспекторском футляре.

— Откройте.

Он нажал на скрытую защёлку. Под удостоверением обнаружилось углубление размером с конверт. По краям шли медные насечки, каждая с отдельным механическим разрывом. Майя провела пробником.

— Контур изолирован. По крайней мере, сейчас.

— А потом? — спросила Лада.

— Потом вы получите расписку и право потребовать уничтожения в присутствии двух независимых хранителей.

— По закону, которого ещё нет?

— По процедуре, которую мы создали после того, как закон оказался недостаточен.

Это «мы» прозвучало опасно. Лада не стала спрашивать, входила ли возможная она в число создателей. Любой ответ был бы попыткой подсунуть ей уже прожитую судьбу.

Письмо шевельнулось у сердца.

Не метафорически. В кармане хрустнула бумага, и тонкий край конверта двинулся вверх. Лада прижала его ладонью.

Дверь вагона распахнулась шире. Из белизны потянулись строки, похожие на длинные чёрные нити.

— Оно зовёт доставку завершённой, — сказал Ивар. — Решайте.

— Не торопите её, — отрезала Майя.

— Поезд торопит, не я.

— Вы приехали на поезде.

Лада достала конверт. Завтрашняя дата на обороте потемнела. Под подписью проступило новое слово: «получено».

Они могли отдать письмо незнакомцу. Могли оставить его и бежать со станции. Могли уничтожить — если возможную бумагу вообще брал огонь. Все варианты требовали доверия к правилам, которые сообщил единственный человек, заинтересованный в результате.

Лада посмотрела на Складку.

Серебряная поверхность показывала десятки её рук. Одни разрывали конверт, другие отдавали Ивару, третьи прятали. Будущее наваливалось готовыми жестами.

Она не выбрала ни один.

— Майя, аварийный шкаф.

Сестра поняла первой. Подбежала к красной дверце на стене и сорвала пломбу. Внутри лежал контейнер для спорной корреспонденции — обычный стальной ящик, не подключённый к почтовой сети.

— Он не удержит возможное письмо, — предупредил Ивар.

— Удерживать будет не ящик, — сказала Лада.

Она положила конверт внутрь, не отпуская края. Майя закрыла крышку до узкой щели. Затем Лада повернулась к вагону и подняла камертон.

— Если поезд распознаёт доставку через мой голос, я отзываю звук на этом участке.

— Запись уже в контуре. Отзыв может разомкнуть шов.

— Тогда помогите Майе с механическим разрывом.

— А вы?

— Я не обязана отвечать на каждый вопрос человека из четверга.

На этот раз в его лице мелькнуло что-то почти похожее на прежнюю улыбку. Но он не позволил ей задержаться.

Ивар и Майя бросились к аварийному рычагу у края платформы. Лада ударила по камертону. Серебряный звук прошёл сквозь неё, собирая остатки концертного дыхания. Петь было нельзя: любая нота дала бы контуру новый материал. Поэтому она сделала обратное тому, чему училась всю жизнь.

Она создала паузу.

Не отсутствие звука, а ясную границу после него. Вспомнила последнюю ноту концерта, восемь ударов сердца, и мысленно поставила конец там, где сама решила закончить. Запись в рельсах попыталась продолжиться. Лада не спорила с её высотой и не перекрывала громкостью. Она слушала до самого шва — до вдоха, украденного из весенней записи, — и отказывалась делать следующий.

Белая точка на приборе Майи замигала.

— Сейчас! — крикнула Лада.

Майя и Ивар вместе опустили рычаг.

Под платформой лязгнул металл. Тринадцатый контакт отделился от двенадцати линий. Чёрные нити, тянувшиеся из вагона к контейнеру, лопнули. Поезд качнулся, словно платформа внезапно пошла назад.

Ивар схватился за поручень.

— Он уходит!

— Вы этого хотели, — сказала Майя.

— Без меня.

Дверь вагона начала закрываться. Ветер потянул инспектора внутрь. Каблуки скользнули по мокрым плитам. Лада увидела, как он вцепился в край двери одной рукой, а второй попытался отстегнуть футляр.

Можно было позволить поезду забрать его. Он принадлежал своему четвергу больше, чем их среде. Но тогда единственный свидетель правил исчез бы вместе с маршрутом.

И человек, отступивший по её просьбе, не становился расходным инструментом только потому, что пришёл из возможного будущего.

Лада ухватила ремень футляра. Майя обхватила её за талию. Ивар дёрнулся между вагоном и платформой. На мгновение Складка показала их иначе: он сам тянул Ладу за руку из разрушенного поезда, а вокруг вместо станции стоял белый город.

— Отпустите поручень! — крикнула она.

— Меня затянет!

— Доверьтесь настоящему!

Он посмотрел ей в глаза и разжал пальцы.

Все трое упали на платформу. Футляр ударился о плиты. Дверь захлопнулась в пустоте, поезд стал прозрачным и исчез. На этот раз после него не осталось письма.

Часы над залом ожидания щёлкнули. На календаре установился четверг. Минутная стрелка показала полночь.

Несколько секунд никто не говорил.

Майя первой села и потрогала локоть.

— Если каждый почтовый спор заканчивается падением, я предпочитаю телеграф.

Ивар лежал на спине, тяжело дыша. Потом повернул голову к Ладе.

— Эту фразу ты сказала иначе.

Она высвободила руку из-под ремня.

— Какую?

— Про настоящее.

— Я просила не сравнивать.

— Простите. — Он сел. — Старая привычка. Плохая.

Лада встала и протянула руку Майе, не ему. Ивар поднялся сам.

В аварийном контейнере тихо лежал закрытый конверт. Надпись «получено» исчезла. Завтрашняя дата осталась.

— Письмо здесь, — сказала Майя. — Поезд ушёл. Шов стабилен. Что теперь?

Ивар поднял футляр и проверил сломанную пряжку.

— Теперь докажем, что тринадцатый маршрут существует в вашем времени.

— Мы втроем его видели.

— Для дирекции два сотрудника, нарушивших приказ, и инспектор с удостоверением будущего — не доказательство. Нужен след в действующем реестре.

Он подошёл к краю платформы и указал на рельс. Там, где сработал механический разрыв, между двенадцатью медными жилами проступила ещё одна. Тонкая, почти чёрная, она уходила не вдоль пути, а прямо в Складку.

Майя опустила на колено.

— Её не было на схеме.

— Потому что маршрут рисует себя после первой успешной доставки, — сказал Ивар. — Ваше письмо не прочитано, значит, доставка не завершилась. Но поезд вошёл в контур и оставил ответвление.

— Куда оно ведёт?

— В центральный почтовый архив. И ещё в одно место, которого в среду нет.

Лада посмотрела на часы.

— Уже четверг.

— Поэтому у нас появился шанс его найти.

Из переговорной трубки у стены наконец донёсся голос диспетчера:

— Северная станция, ответьте. Зафиксировано несанкционированное отключение. Госпоже Рен надлежит явиться на обязательную репетицию к девяти часам. Повторяю...

Майя сняла трубку.

— Центральная, фиксируйте техническую аварию и появление дополнительного маршрута.

— Дополнительные маршруты отсутствуют.

— Тогда вам будет легко объяснить тринадцатую жилу под платформой.

На линии наступила тишина.

Слишком быстрая и слишком полная.

Лада поняла: там не удивились.

Она закрыла аварийный контейнер и повернула ключ. Один экземпляр взяла себе, второй отдала Майе. Третье гнездо на замке оставалось пустым.

— Нужен независимый хранитель, — сказал Ивар.

— Им станете не вы.

— Согласен.

— И письмо останется закрытым.

— Да.

— А всё, что вы помните обо мне, останется вашим возможным прошлым, пока я сама не спрошу.

Он выдержал её взгляд.

— Да, Лада.

На этот раз имя прозвучало без присвоенной близости — просто имя человека, который поставил условие.

Она кивнула на чёрную жилу.

— Тогда начинайте с того, как найти маршрут.

Ивар опустился рядом с Майей и раскрыл футляр с инструментами будущей почты. Лада осталась у контейнера. За Складкой серебряный город снова отставал от настоящего ровно на одно движение.

Но в глубине отражённой платформы стояла ещё одна фигура.

Женщина в Ладином концертном платье держала раскрытое письмо и беззвучно шевелила губами.

Лада отвернулась прежде, чем смогла прочесть слова.

Глава 3. Право не читать

К четырём утра северная станция перестала казаться местом, где случаются невозможные вещи, и стала похожа на контору после затяжной аварии.

На платформе горели все служебные лампы. В зале ожидания пахло мокрой шерстью, железом и горьким чаем из автомата. Два техника центральной дирекции измеряли двенадцать исправных жил и старательно не замечали тринадцатую. Составленный Майей акт лежал на конторке неподписанным: в графе «характер повреждения» дежурный инженер трижды зачеркнул слово «дополнительный» и заменил его на «предполагаемый».

Лада сидела напротив аварийного контейнера. Ключ под рубашкой холодил грудь. Закрытый конверт внутри больше не шевелился, но иногда металл едва слышно отзывался бумажным шелестом.

Ивар работал у края платформы. Он успел снять дорожное пальто, закатать рукава и разложить на плите инструменты из сломанного футляра. Вблизи они выглядели почти обычными: латунный циркуль, лупа, катушка тонкой нити. Только циркуль ставил одну ножку на камень, а вторую — в его ближайшую возможность, и потому казался раздвоенным.

— Жила не уходит в архив напрямую, — сказал он, не поднимая головы. — Она ищет ближайший действующий адрес.

Майя присела рядом.

— У проводов нет желаний.

— У этого тоже. Есть условие завершения доставки.

— Адрес у письма — Лада Рен.

— У первого письма. Но поезд вышел на маршрут не ради одного конверта.

Лада встала. После концерта она не спала почти сутки, и тело напоминало об этом с неприятной точностью: саднило горло, дрожали мышцы под коленями, каждый яркий звук отдавался за глазами.

— Значит, сейчас он ищет другого адресата?

Ивар провёл нитью над чёрной жилой. Нить отклонилась к городу.

— Уже нашёл.

В этот момент в переговорной трубке звякнул вызов.

Дежурный инженер потянулся к ней, но Майя оказалась быстрее.

— Северная станция.

Сначала было слышно только дыхание. Потом молодой женский голос спросил:

— У вас можно отказаться от письма?

Лада подошла к трубке.

— Можно, — сказала она прежде, чем кто-либо успел ответить иначе.

На линии помолчали.

— Даже если его уже принесли?

— Как вас зовут?

— Тея Мир. Я на Речной улице, дом девять. Почтальон стоит под дверью и говорит, что уйдёт, когда я распишусь.

Ивар резко выпрямился.

— Не открывайте дверь, — сказал он.

Лада накрыла ладонью раструб трубки.

— Она спрашивала не вас.

Он остановился. Кивнул.

Лада убрала руку.

— Тея, вы хотите получить это письмо?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу. Не испуганно — сердито.

— Тогда не расписывайтесь и не открывайте. Мы едем к вам. Есть кто-то, кому вы доверяете и кто может остаться рядом, не касаясь конверта?

— Хозяйка дома. Но она считает, что письма надо читать, иначе они обижаются.

Майя закрыла глаза.

— Попросите её ничего не делать до нашего приезда, — сказала Лада. — И отойдите от двери.

— Я уже на лестничной площадке через окно вылезла.

В голосе девушки впервые послышалась гордость.

— Хорошо. Оставайтесь там, если безопасно. Мы будем скоро.

Лада повесила трубку и увидела, что дежурный инженер записывает разговор.

— Дайте акт, — сказала она.

— Без начальства я не уполномочен...

— Тогда зафиксируйте, что в четыре ноль семь утра адресат прямо отказался от доставки возможного письма. Дословно.

— Мы не установили природу корреспонденции.

— Вот и установим.

Майя уже собирала инструменты. Ивар застегнул футляр на оставшуюся пряжку.

— Я поеду, — сказал он.

— На дрезине три места, — ответила Лада. — Но говорить с Теей буду я. Вы объясняете механизм только по её просьбе. Не сообщаете содержание, даже если вам оно известно. Не называете вероятное решение необходимым.

— Согласен.

— И не отдаёте приказов.

Он взглянул на чёрную жилу.

— Постараюсь.

— Нет. Либо соглашаетесь, либо остаётесь здесь.

Ивар медленно выдохнул.

— Соглашаюсь.

Третьим ключом от контейнера стал ключ дежурного инженера. Лада заставила его вписать своё имя в акт и предупредила, что открыть ящик можно только втроём. Собственный конверт она оставила на станции: взять одно возможное письмо навстречу другому казалось способом помочь маршруту быстрее, чем им хотелось.

Они поднялись в город по служебному тоннелю. Арден перед рассветом был пуст и серебрист. Фонари вдоль канала ещё горели, а окна пекарен уже светились. Над крышами Складка тянулась прозрачной стеной, отражая улицы с лёгким опережением. В одном окне отражения хозяйка распахивала дверь прежде, чем настоящая рука касалась ручки.

Лада отвела взгляд.

— Как поезд доставляет письмо без поезда? — спросила Майя, ведя дрезину по узкой городской колее.

— Через обычную почту, — ответил Ивар с заднего сиденья. — После появления тринадцатой жилы любая сумка, ящик или служащий могут стать последним отрезком маршрута.

— Сам служащий понимает, что несёт?

— Не всегда.

— Очень удобное устройство для начальства.

— Именно поэтому его закрыли.

Лада повернулась к нему.

— Вы всё время говорите «закрыли», но маршрут перед нами открыт.

— В моей ветви его закрыли после последствий.

— Каких?

Ивар посмотрел на неё, затем на Майю.

— В одном округе доставили предупреждение о пожаре. Люди прочли его вслух, эвакуировались и перегрузили мост. Мост рухнул. Пожара не было до тех пор, пока пустые дома не начали грабить и кто-то не опрокинул лампу.

Майя сбавила скорость.

— Письмо предсказало пожар или создало?

— Такой вопрос задавали комиссии. Неправильный вопрос. Оно сузило множество решений так, что люди совместно построили описанный исход.

— А правильный?

— Кто получил право сузить.

Лада отвернулась к улице. Его ответ был хорош. Возможно, слишком хорош — выучен после чужой катастрофы и множества слушаний. Но верный ответ ещё не делал человека безопасным. Особенно человека, привыкшего распоряжаться временем в чрезвычайных обстоятельствах.

Речная улица спускалась к каналу. Дом номер девять был узким, зелёным и старым; балконы держались на железных ветвях. У парадной стоял почтальон в серой форме. Сумка у его ног выглядела пустой. В правой руке он держал кремовый конверт.

— Получательница уклоняется от вручения, — сказал он, когда Лада представилась. — Мне велено дожидаться подписи.

— Кем велено?

Почтальон нахмурился.

— В маршрутном листе.

— Покажите.

На листе было двенадцать адресов. Девятый — Речная, девять — написан теми же фиолетовыми чернилами, но бумага под строкой оставалась тёплой. В графе отправителя стояло: «Тея Мир». Дата отправки наступала через двадцать два дня.

— Вы заметили дату? — спросила Майя.

— Даты ставит сортировочная.

— А то, что отправитель и адресат — один человек?

— Личные письма самому себе не запрещены.

Из открытого окна второго этажа высунулась девушка в длинной ночной рубашке поверх брюк. Короткие тёмные волосы прилипли ко лбу, на щеке была полоска пыли.

— Я не уклоняюсь, — сказала она. — Я отказалась.

Почтальон поднял конверт.

— Тогда распишитесь в отказе.

— На конверте?

— На обороте.

— Не расписывайтесь, — сказал Ивар.

Лада посмотрела на него.

— Простите, — добавил он. — Тея, можно объяснить?

Девушка прищурилась.

— Вы кто?

— Инспектор. Мой документ выдан службой, которой пока не существует, поэтому он вряд ли вас успокоит.

— Уже лучше, чем если бы вы соврали.

— Подпись на обороте станет частью письма. Маршрут сможет истолковать её как согласие автора и адресата одновременно.

Тея перевела взгляд на почтальона.

— А вы говорили, просто отказ.

— Такова процедура, — растерянно ответил он.

— Чья?

Он снова взглянул в маршрутный лист, как будто надеялся найти там начальника, подпись и разумное объяснение.

— Спуститесь во двор, — предложила Лада. — Почтальон положит конверт на сухую ступень и отойдёт. Вы не обязаны брать его или подходить.

— А он не побежит за мной?

— Мы не позволим.

Тея исчезла из окна. Через минуту открылась боковая дверь. Она вышла в ботинках, наброшенном пальто и всё ещё в той же ночной рубашке. В руках держала кочергу.

— Это не против вас, — сказала она почтальону.

— Очень утешительно.

Он положил конверт на ступень и отошёл. Ивар попросил у Майи пробник. На пластинке зажглась белая точка.

— Возможное, — сказал он.

Тея не сводила глаз с письма.

— Через двадцать два дня я собираюсь написать себе письмо?

— Возможно, — ответила Лада. — Но эта бумага появилась раньше вашего решения. Мы не знаем, захотите ли вы написать его, когда наступит тот день.

— Я уже не хочу.

— Это достаточно.

— А что там?

— Не знаю.

Ивар молчал, как обещал.

— Вы можете забрать его? — спросила Тея.

— Только если вы этого хотите, — сказала Лада. — И только в закрытое независимое хранение, пока мы не установим, как уничтожить его без последствий.

— Я хочу, чтобы его не было.

— Это не совсем одно и то же.

Девушка нахмурилась.

— Все говорят, что выбор простой, когда хотят выбрать за тебя.

— Поэтому я разделяю. Вы можете отказаться от чтения. Можете отказаться держать его у себя. А решение об уничтожении принять позже, когда будет больше сведений. Первые два отказа действуют уже сейчас.

Тея опустила кочергу.

— Тогда так. Не читаю. Не беру. Уничтожить решу потом.

Майя вынула из сумки маленький ремонтный ящик и поставила рядом со ступенью.

— У него два замка. Один ключ будет у вас, второй у хозяйки станции. Мы составим акт.

— Я не хочу хранить ключ от письма.

— Справедливо, — сказала Майя. — Выберите человека.

Тея оглянулась на окна. За занавеской первого этажа мелькнуло лицо.

— Только не госпожу Кев.

Будто услышав своё имя, парадная дверь распахнулась. На крыльцо вышла полная женщина в вязаной шали.

— Тея, это неприлично, — заявила она. — Четыре взрослых человека стоят над письмом и делают вид, что оно кусается.

— Пять, — поправил почтальон.

— Вы уже час не даёте дому спать.

— Госпожа Кев, не касайтесь конверта, — сказала Лада.

— Девочка сама себе написала. Значит, сама и должна прочесть. Может, там что-то важное.

— Не должна, — сказала Тея.

Хозяйка спустилась на ступень.

Лада увидела движение в Складке за каналом раньше, чем в настоящем дворе: отражённая госпожа Кев нагнулась, подняла конверт и сорвала край ногтем.

— Стойте!

Настоящая рука уже коснулась бумаги.

Ивар шагнул вперёд, но Лада успела перехватить его запястье. Если он вырвет письмо силой, они лишь добавят к чужому нарушению ещё одно.

— Госпожа Кев, положите его, — сказала она.

— Я только посмотрю, кому от кого.

— Вы уже знаете. Положите.

Но хозяйка повернула конверт. На её лице появилось то выражение, которое Лада видела у людей у закрытых дверей гримёрной: уверенность, что любопытство становится правом, если назвать его заботой.

— Тут написано «прочесть немедленно».

— Не читайте! — крикнула Тея.

Госпожа Кев вздрогнула и машинально надорвала край.

По двору прошёл тихий звон.

Не звук бумаги. Звук сцепившихся рельсов.

Чернила проступили сквозь конверт, развернулись по пальцам хозяйки и легли строками на её шаль. Она опустила взгляд. Для чтения не требовалось доставать лист.

— «Когда увидишь красный свет над каналом...» — начала она.

Ивар накрыл текст своим пальто. Майя вырвала пробник из кармана. Белая точка на нём стала фиолетовой.

— Поздно, — сказал Ивар. — Свидетель прочёл первую фразу.

— Я не свидетель! — возмутилась госпожа Кев из-под пальто. — Я хозяйка дома.

Тея стояла совершенно неподвижно.

— Это считается? — спросила она.

Ивар посмотрел на Ладу, оставляя ответ ей.

— Для маршрута, похоже, да, — сказала Лада. — Для вашего согласия — нет.

На маршрутном листе в руках почтальона девятая строка сама перечеркнулась. Рядом появилось: «доставлено».

— Но я отказалась.

— Я слышала.

— Все слышали.

— Да.

— Тогда почему её чтение сильнее моего отказа?

Лада не нашла честного утешения.

— Потому что маршрут устроен неправильно.

Над каналом вспыхнул красный служебный фонарь.

Он горел там, где на карте не было ни причала, ни мостика. Тея повернула голову. Под её пальто что-то звякнуло — связка ключей.

— Что в письме дальше? — спросила Лада у госпожи Кев.

Та побледнела.

— Не знаю. Я увидела только... там было про красный свет. И что Тея должна взять лодочный ключ из кладовой.

Тея сунула руку в карман и вытащила длинный железный ключ.

— У меня его не было, — сказала она.

— Был, — прошептала хозяйка. — Вчера пропал со связки.

— Я никогда не была в вашей кладовой.

Ключ в её ладони был мокрым. С бородки капала канальная вода.

Лада почувствовала, как город вокруг сделал едва заметный шаг в сторону. Пекарская тележка на углу свернула к Речной, хотя возница смотрел в другой переулок. Двое ранних рабочих остановились у входа во двор. В окнах зажглись новые лампы. Люди ещё не знали текста, но уже собирались стать его свидетелями.

— Не идите к свету, — сказал почтальон Тее.

— Я и не собиралась.

— Может, письмо предупреждает об опасности, — сказала госпожа Кев. — Надо дочитать.

— Нет, — ответили Лада и Тея одновременно.

Лада отпустила запястье Ивара. Он не пытался двигаться.

— Что происходит после первой фразы? — спросила она.

— Будущее начинает достраивать недостающие условия, — сказал он. — Предметы оказываются там, где должны быть по тексту. Люди получают причины прийти. Чем больше совпадений, тем легче следующему.

— Можно отменить?

— Не приказом. Нужен поступок адресата, несовместимый с письмом, и свидетели, способные назвать его настоящим выбором. Иногда этого хватает, пока текст не прочитан полностью.

Тея сжала ключ.

— Тогда я выброшу его.

— Куда? — спросил Ивар.

— В канал.

— Красный свет над каналом, лодочный ключ, вы у воды. Это может стать исполнением, даже если в письме сказано другое.

Девушка выругалась сквозь зубы.

Лада понимала её ярость. После прочтения любое действие превращалось в догадку о чужом сценарии. И бездействие тоже. Маршрут крал не только будущее — он заражал сомнением настоящее.

— Что вы хотели сделать сегодня до письма? — спросила она.

— Спать.

— После сна?

— Сдать вступительную работу в школу мостовых механиков.

— Работа готова?

— Почти. Макет в мастерской на Чердачной площади.

— Тогда пойдём туда.

Тея посмотрела на красный свет.

— А ключ?

— Оставим здесь в опечатанном ящике вместе с письмом. Это не завершит вашу работу и не приведёт вас к каналу.

— А если в письме написано, что я уйду на Чердачную площадь?

— Мы не знаем. Вы назвали это до чтения продолжения. Здесь пять человек слышали.

— Шесть, — сказала Майя и показала на женщину-пекаря, остановившую тележку у ворот. — И свидетелей становится слишком много.

Красный фонарь над каналом мигнул. Из боковой улицы показался человек в форме лодочной службы.

— Тея, — сказала Лада, — вы не обязаны доказывать письму, что оно ошибается. Просто выберите то, что было вашим до него.

Девушка посмотрела на неё долго и внимательно.

— Вы ведь певица.

— Да.

— Та самая, которая держит северную границу.

— Иногда.

— Тогда почему вы здесь?

Лада могла сказать про письмо в контейнере. Про собственную подпись и страх открыть завтрашний день. Но это сделало бы Тею частью её истории в минуту, когда девушка пыталась вернуть свою.

— Потому что вы сказали «нет», а система не услышала.

Тея кивнула.

Она положила мокрый ключ в ремонтный ящик. Майя щипцами перенесла туда надорванный конверт, не открывая пальто полностью. Первый замок закрыла Лада. Второй ключ Тея решила передать почтальону — не как представителю маршрута, а как человеку, который признал её отказ и согласился дать письменные показания.

Госпожа Кев попросила прощения не сразу. Сперва она говорила, что хотела помочь, что всякий на её месте поступил бы так же, что никто не объяснил опасности. Тея выслушала, не перебивая.

— Вы прочли после того, как я попросила не читать, — сказала она. — Не называйте это помощью.

Хозяйка опустила голову.

— Хорошо.

Это было меньше извинения, но больше оправдания. Пока — достаточно, чтобы не спорить.

Они вышли со двора. Тея шла впереди, держа кочергу на плече, словно инструмент очень узкой профессии. Майя везла запечатанный ящик на ручной тележке. Почтальон отправился с ними составлять акт. Ивар держался на полшага позади Лады.

Красный фонарь остался гореть над каналом.

У первого перекрёстка Тея свернула к Чердачной площади. В тот же миг Складка на противоположной стороне улицы замерцала. В отражении девушка пошла к воде, но через три шага остановилась. Возможная фигура стала прозрачной.

— Получилось? — спросила Майя.

Ивар посмотрел на свой раздвоенный циркуль. Одна ножка медленно сошлась с другой.

— Ослабло. Не исчезло.

— Потому что фразу прочли?

— Потому что маршрут отметил доставку. Теперь окружающие будут подталкивать Тею к описанному событию, даже не зная, что делают.

Как в подтверждение, лодочник окликнул их с дальнего угла:

— Девушка! Вы ключ не теряли? У нас у причала красный сигнал!

Тея не обернулась.

Лада догнала её.

— Вам понадобится место, где можно работать, и люди, которые знают ваш первоначальный план. Соня организует репетиционные комнаты лучше любой канцелярии. Я попрошу её открыть одну для вас.

— Я не музыкант.

— Сегодня это преимущество.

Уголок рта Теи дрогнул.

— А вы будете рядом?

Лада вспомнила обязательную репетицию в девять, приказ дирекции и собственный закрытый конверт. Северный контур нуждался в проверке. Голос — в отдыхе. Расследование — в доказательствах. Всё требовало её одновременно, и каждая просьба могла быть разумной по отдельности.

— До передачи вам независимой защиты — да, — сказала она. — Потом я уйду по своим делам, а вы продолжите свои. Я не стану новым маршрутом, который решает, куда вам идти.

Тея приняла ответ без обиды.

На Чердачной площади рассвет наконец поднялся над крышами. Свет был обычным, золотистым, без служебного красного оттенка. В мастерской под самой крышей стоял деревянный макет разводного моста. Одна половина не поднималась: в механизме не хватало маленькой шестерни.

Тея сняла пальто, села к верстаку и открыла коробку с деталями. Руки у неё ещё дрожали, но она выбрала напильник и начала подгонять зубцы новой шестерни.

Почтальон записал её слова об отказе. Майя — время появления ключа и красного сигнала. Ивар составил отдельное заключение о причинном закреплении, оставив название своей будущей службы за скобками. Лада поставила подпись как свидетель, а не как должностное лицо дирекции.

Когда шестерня вошла в паз, половина моста поднялась.

За окном Складка повторила движение с правильным запозданием.

Тея отложила инструмент.

— Если бы госпожа Кев дочитала письмо, я бы уже не могла выбрать мастерскую?

— Могли бы, — ответил Ивар. — Но всё больше обстоятельств делало бы другой путь легче, убедительнее и как будто вашим. До момента, когда никто, включая вас, не смог бы назвать, где решение стало чужим.

— А тот, кто отправляет такие письма, знает это?

Он не ответил.

Лада посмотрела на фиолетовую строку «доставлено» в маршрутном листе.

— Теперь мы зададим этот вопрос дирекции.

Снизу ударили городские часы. Шесть раз.

В стене мастерской загудела отопительная труба. Из неё донеслась одна чистая нота — голос Лады, записанный на прошлогоднем зимнем концерте. Нота перешла в другую, взятую летом, затем в третью. Между ними не было ни вдоха, ни паузы.

Майя побледнела.

— Здесь нет станционного контура.

Лада подошла к трубе и приложила ладонь к металлу. Голос шёл снизу, из городской сети, перебираясь от дома к дому.

Ивар поднял циркуль. Обе ножки дрогнули и разошлись.

На маршрутном листе рядом с адресом Теи появилась новая строка:

«Условие сопровождения: голос Лады Рен».

Лада слышала, как собственная запись без спроса продолжила следующую ноту.

И поняла: почта не просто пользовалась станциями. Она научилась доставлять будущее через неё.

Глава 4. Шов в голосе

Майя потребовала выключить отопление во всём квартале.

Смотритель Чердачной площади отказался. До рассветной смены оставалось сорок минут, в мастерских сохли лаки, в жилых мансардах спали дети, а на улице было шесть градусов. Он соглашался перекрыть одну трубу, один дом, в крайнем случае переулок — но не квартал из-за того, что известная певица услышала себя в батарее.

Тогда Лада попросила его приложить ухо к металлу.

Из трубы доносилось её дыхание.

Не нота, не песня — короткий вдох перед высоким звуком. Он повторялся через каждые двенадцать секунд, ровный и терпеливый. Смотритель отшатнулся.

— Это давление, — сказал он.

— Давление не берёт дыхание в соль, — ответила Майя.

Она открыла решётку в полу. Под ней шли четыре окрашенные трубы: вода, отопление, пневмопочта и аварийный резонатор. Последний должен был оставаться пустым до разрыва Складки. Сейчас его серебряная оплётка дрожала в такт Ладиному вдоху.

— Перекрываем не тепло, — сказала Майя. — Резонатор.

— Он запломбирован дирекцией.

— Тем лучше. Увидим, кто поставил plombу.

На свинце был оттиск концертного управления.

Лада узнала знак: лира над двенадцатью станциями. Такой же стоял на её договоре, программках, дверях репетиционных залов и ящиках с официальными записями. До этой ночи он казался ей почти собственным — знаком ремесла, которому она отдала одиннадцать лет. Теперь лира напоминала ловушку с красивой крышкой.

— У вас есть право её снять? — спросил почтальон.

— Нет, — сказала Майя.

— А у кого есть?

— У человека, который поставил. Но он почему-то не пришёл слушать голос моей сестры в отопительной трубе.

Она перекусила проволоку.

Пломба упала на доски. Вдох оборвался, но лишь на мгновение. Затем голос Лады возник в соседней трубе и начал следующую ноту.

— Оно обходит разрыв, — сказал Ивар.

— Не «оно». Кто-то заранее связал квартальные резонаторы в сеть, — ответила Майя. — Иначе звук умер бы здесь.

Тея стояла у верстака, прижав ладони к краю столешницы. После всего случившегося ей удалось проработать над мостом меньше четверти часа. Теперь мастерская снова принадлежала чужому маршруту.

— Эта песня про меня? — спросила она.

— Нет, — сказала Лада.

— В листе написано, что ваш голос — условие сопровождения.

— Условие для письма. Не песня про вас.

— Какая разница, если она идёт следом?

Разница существовала для Лады. Песня была решением певца, адресованным месту и людям; сопровождение — служебной функцией, чем-то вроде печати на вагоне. Но для Теи голос звучал после отказа и помогал маршруту удержать её возможное будущее. Значит, различие, которым дорожила Лада, система уже уничтожила.

— Для вас сейчас никакой, — признала она. — Поэтому мы остановим запись.

— Вы можете?

Лада посмотрела на Майю.

Та слишком долго укладывала инструменты.

— Здесь — нет, — сказала она наконец. — Нужен узел, где собирали шов.

— Какой шов?

— Между её записями.

Лада почувствовала, как саднит горло, хотя молчала.

— Ты говорила, что слышишь монтаж, — сказала она сестре. — Не говорила, что знаешь место сборки.

— Я знаю тип оборудования.

— Это не ответ.

Майя подняла пломбу и спрятала в карман.

— Узел под Большим залом.

— Моим залом?

— Городским. Ты там работаешь, но здание не твоё.

— Не исправляй слова, когда прячешь смысл.

Ивар сделал шаг к двери.

— Я проверю улицу.

Лада почти сказала, что он не обязан уходить. Затем поняла: он не спасал Майю от разговора и не оставлял Ладу одну. Он возвращал сёстрам пространство, не заставляя просить. Маленький правильный поступок — не доказательство доверия, но его материал.

Почтальон тоже взял маршрутный лист и вышел следом. Тея осталась.

— Мне уйти? — спросила она.

— Нет, — сказала Майя.

— Да, — одновременно ответила Лада.

Они посмотрели друг на друга.

— Это касается её письма, — сказала Майя.

— Это касается того, что ты скрыла от меня.

Тея сняла со спинки стула пальто.

— Я подожду за дверью. Только не решайте без меня, что делать с ящиком.

Когда дверь закрылась, Лада прислонилась к верстаку. Она боялась не признания. Она боялась услышать объяснение, которое окажется достаточно разумным, чтобы все годы молчания стало невозможно назвать предательством.

— Начни с первого дня, — сказала она.

— После аварии на Западной станции.

Лада помнила. Пять лет назад она сорвала голос на зимнем обходе. Простуда, три ночных концерта подряд, лопнувший резонатор. Она допела, потому что за Складкой показалась другая улица и по ней шли люди, ещё не родившиеся в Ардене. После выступления Лада неделю говорила записками.

— Контур остался без тебя на сорок три минуты, — продолжила Майя. — Запасная певица не удержала высоту. Тогда директор попросил меня сделать аварийный переход между твоими записями. Только на время ремонта.

— Я подписала разрешение на тот вечер.

— Да.

— И ты сделала.

— Да.

— А потом?

Майя провела пальцем по зубцу новой шестерни Теи.

— Переход оказался устойчивее старого резонатора. Управление попросило оставить его на неделю. Потом до конца зимы. Они показали расчёты: если ты заболеешь, погибнут люди. Если поезд задержится, если другой певец ошибётся, если...

— Ты знала, что запись не удерживает Складку.

— Я знала, что она даёт время живому голосу приехать.

— Восемь ударов сердца.

Майя вздрогнула. Значит, помнила точный предел.

— Сначала восемь. Потом мы научились соединять фразы так, чтобы контур принимал новый звук за продолжение решения.

— Мы?

— Я и лаборатория управления.

— Решения, которого в записи нет.

— Контур не различает, если сохранить дыхание, обертоны и намерение в момент атаки.

— Намерение нельзя сохранить.

— Нельзя. — Майя наконец посмотрела на неё. — Можно сделать подделку, достаточно похожую для старых станций.

В мастерской стало очень тихо. Даже труба замолчала, словно сеть прислушивалась.

— Ты подделывала моё согласие, — сказала Лада.

— Я подделывала технический признак.

— Которым контур обозначает согласие.

— Да.

Майя не стала спорить, и от этого Ладе было тяжелее.

— Сколько лет?

— Пять.

— На скольких станциях?

— Сначала на одной. Сейчас на всех двенадцати.

— В домах?

— Городскую сеть подключили без меня.

— Но смогли потому, что ты дала им шов.

— Да.

Лада отошла к окну. На площади рассветный Арден казался прочным: черепичные крыши, мостики, трамвайные провода. Всё стояло на своих местах. Только теперь она знала, что между этими местами ходит её голос, лишённый пауз, сна и права решить, для кого звучать.

— Почему ты не сказала?

— Потому что после той аварии ты вернулась на сцену через девять дней. Потому что управление показало мне карту риска. Потому что каждый раз, когда я собиралась признаться, где-то возникал разрыв, и твоя запись удерживала людей от Складки до приезда смены.

— Не удерживала. Отсрочивала.

— Иногда отсрочка — это жизнь.

— Тогда её надо было назвать отсрочкой и спросить цену.

Майя сжала губы.

— Я думала, цена моя.

— Почему твоя?

— Потому что я делала монтаж. Потому что если он однажды провалится, виновата буду я.

— А звучать всё это время должна я.

Сестра опустила голову.

Лада хотела рассердиться просто и окончательно. Но помнила Майю у её больничной кровати после аварии: та спала сидя, держала на коленях схемы западного резонатора и каж-

дые два часа меняла холодный компресс. Помнила, как Майя первой сказала директору, что Лада не вернётся к зимнему обходу, даже если её уволят. Забота не была ложью. Она стала оправданием для контроля — и потому сделалась опаснее равнодушия.

— Покажи узел, — сказала Лада.

— Сейчас?

— До моей обязательной репетиции осталось меньше трёх часов. Они хотят, чтобы я снова дала им чистый материал.

— Возможно, репетиция не связана.

— Ты сама в это веришь?

Майя покачала головой.

Когда они вышли, Тея сидела на полу у двери. Ивар стоял у окна лестницы, почтальон заполнял второй экземпляр акта. Никто не спрашивал, о чём говорили сёстры.

— Мы едем в Большой зал, — сказала Лада. — Тея, мастерская безопасна, пока резонатор отключён, но вас нельзя оставлять одну. Выберите, куда хотите.

— С вами.

— Это может быть опаснее.

— Здесь люди уже знают про красный свет. В зале хотя бы никто не знает меня.

— Хорошо. Ящик остаётся закрытым и едет с нами.

Почтальон поднял руку, будто на уроке.

— Я тоже. У меня ключ и незаконченный маршрут.

— Маршрут для вас важнее? — спросила Тея.

Он посмотрел на фиолетовое «доставлено».

— Теперь хочу понять, кто написал это вместо меня.

Они шли к Большому залу пешком, потому что Майя оставила дрезину у северного входа. Арден просыпался. Открывались булочные, звенели первые трамваи, дворники смывали ночную пыль в каналы. И в каждом металлическом предмете Лада начала слышать себя.

В водосточной трубе — конец колыбельной, записанной для южного приюта. В решётке моста — высокая нота весеннего концерта. В трамвайном проводе — дыхание перед песней, которую она исполняла на похоронах настройщика. Отдельно фрагменты не имели смысла. Вместе они создавали непрерывную дорожку, обходившую город.

Лада считала швы.

После седьмого перестала.

— Почему я раньше не слышала?

— Ты слышала город, — сказала Майя. — Мозг принимает знакомый голос за часть себя и перестаёт замечать.

— Ты замечала.

— Всегда.

Это было признание вины и описание наказания, которое Майя назначила себе сама. Лада не стала её освобождать.

У служебного входа в Большой зал их ждала Соня Вель. Невысокая, крепкая, в длинном сером плаще поверх репетиционного костюма, она держала две чашки кофе и папку с расписанием.

— Я получила сообщение, что Лада сорвала репетицию, похитила инспектора и перекрыла отопление на Чердачной, — сказала она. — Решила спросить, что из этого правда.

— Отопление мы почти не трогали, — ответила Майя.

Соня протянула кофе Ладе, увидела Тею с кочергой, Ивара с футляром, почтальона с ящиком и забрала чашку обратно.

— Сначала объяснения.

Лада дала короткую версию: невозможный поезд, два письма, отказ Теи, чужое прочтение, голос в сети. Соня не перебивала. Только при слове «монтаж» посмотрела на Майю.

— Я говорила, что слышу Ладу между сменами, — произнесла она.

— Ты говорила, что система фонит, — ответила Майя.

— Потому что ты объяснила мне, что система фонит.

— Мне жаль.

— Потом. Что нужно сейчас?

Лада указала на Тею.

— Безопасная комната без городского резонатора и два человека, которые будут помнить: до письма она собиралась закончить макет и сдать работу.

— Комната малого хора изолирована войлоком. Там окна во двор и отдельная печь. Я останусь.

— У тебя репетиция.

— У нас репетиция, — поправила Соня. — А солистка, насколько вижу, участвовать не собирается.

Лада впервые за утро улыбнулась.

— Не собирается.

— Значит, хор переживёт изменение программы.

Тея передала Соне коробку с шестернями. Почтальон остался у двери с запёртым ящиком. Ивар хотел пойти с Ладой и Майей в подвал, но Лада остановила его.

— Сначала помогите Соне описать, как сопротивляться сопровождению письма. Без приказов.

— Я помню.

— Хорошо.

Он принял решение без спора. Лада почувствовала облегчение и тут же рассердилась на себя: выполнение ясного условия не должно казаться подарком. Но, возможно, доверие и начиналось с того, что обычное безопасное поведение переставало быть неожиданностью.

Майя открыла подвал ключом, которого не должно было быть у концертного техника.

Под Большим залом размещались старые акустические камеры. Когда-то по ним настраивали стены перед выступлением: певец брал ноту, звук проходил через каменные соты и возвращался очищенным от случайного эха. Теперь камеры оплели медные кабели. На каждой висела табличка с датой и названием песни Лады.

Зимняя колыбельная.

Гимн двенадцати станций.

Безымянная траурная.

Песня возвращения.

Её жизнь была разложена по ячейкам как запасные части.

— Здесь основной шов, — сказала Майя.

В центре подвала стоял стол с шестью фонографическими барабанами. Они вращались без игл. Между ними тянулась тонкая серебряная лента; на ней мерцали дыхательные отметки. Когда один барабан доходил до паузы, лента подхватывала звук с другого. Ни одно исполнение не завершалось.

Лада приблизилась. Из раструба прозвучал её голос пятилетней давности:

— Я согласна петь до полной стабилизации западного шва.

Дальше щёлкнул монтаж.

— Я согласна петь...

Ещё щелчок.

— ...до полной стабилизации...

Следующий барабан добавил:

— ...всех станций.

Лада ударила ладонью по стопорному рычагу. Барабаны замедлились, но не остановились.

— Фраза собрана из договора? — спросила она.

— Из трёх записей, — сказала Майя. — Первое согласие с западной аварийной смены. «Полная стабилизация» — из технической пробы. «Всех станций» — из интервью.

— Я никогда не произносила это целиком.

— Нет.

На стене висела копия её контракта. Лада сорвала лист с зажимов. Раздел об аварийном использовании голоса был подчёркнут фиолетовыми чернилами:

«Исполнитель предоставляет управлению право хранения и технического воспроизведения записей в целях обеспечения непрерывности городской безопасности».

Ни срока. Ни перечня участков. Ни права отзыва.

Ни слова о том, что из её фраз составят новое согласие.

— Это приложение появилось на третьем году, — сказала Майя. — Ты подписала общий пакет после повышения.

— Мне сказали, что речь об архиве концертов.

— Юристы управления считают городской контур способом технического воспроизведения.

— А почта?

— Почта не должна иметь доступа сюда.

Лада провела пальцем по серебряной ленте. Та была тёплой. Под кожей возникло ощущение чужого вдоха.

— Как остановить?

— Разрезать ленту и разбить барабаны.

— Тогда?

— Записи на станциях замолчат сразу. Мы потеряем аварийную отсрочку. Если где-то сейчас держится шов только на монтаже, Складка откроется.

Вот оно — объяснение, достаточно разумное, чтобы снова отложить её право.

Лада убрала руку.

— Значит, сначала узнаем, где звучит запись.

Майя достала из ящика карту и развернула на столе. Двенадцать станций были соединены синими линиями. Городские кварталы — серыми. Поверх них недавно нанесли фиолетовый контур, ведущий от центральной почты к Большому залу, затем к Речной улице и северной станции.

— Это не мой чертёж, — сказала Майя.

В правом нижнем углу стояла подпись Элины Тор, начальницы ночной почты.

Дата — три месяца назад.

— Она подключила почтовый маршрут к голосовому шву, — сказала Лада.

— С разрешения концертного управления, — ответила Майя и указала на вторую печать.

В дверь подвала постучали.

Соня вошла без приглашения. В руках у неё был лист с утренним распоряжением.

— Репетицию перенесли сюда, — сказала она. — Через двадцать минут придёт комиссия. Ладе предписано записать новые связующие гласные для аварийного архива.

Лада взяла распоряжение. Внизу мелким шрифтом значилось: «Отказ от записи рассматривается как нарушение обязательств по обеспечению непрерывности».

— Они знают, что старые швы обнаружены, — сказала Майя.

— Или письмо заранее привело нас туда, где им нужен новый материал, — отозвалась Соня.

Лада посмотрела на вращающиеся барабаны. Собственный голос снова произнёс составленное из обрезков согласие.

Она не стала ломать машину. Пока нет. Но и нового звука машина не получит.

Лада сняла со стены контракт, карту с подписью Элины и журнал доступа к барабанам. Передала документы Соне.

— Сделай копии при свидетелях. Оригиналы не отдавай никому без акта.

— А ты?

— Встречу комиссию.

— Голосом пользоваться нельзя, — предупредила Майя. — Даже короткое «нет» рядом с барабанами могут вырезать.

Лада оглядела подвал. На полке лежали чистые нотные листы и толстый синий карандаш.

Она написала крупно:

«Я НЕ ДАЮ СОГЛАСИЯ НА НОВУЮ ЗАПИСЬ, МОНТАЖ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЕГО ГОЛОСА».

Ниже поставила дату и подпись. Затем дописала:

«ПРОШЛЫЕ РАЗРЕШЕНИЯ ОТЗЫВАЮ ДО НЕЗАВИСИМОЙ ПРОВЕРКИ».

Майя прочитала и побледнела сильнее, чем при виде голоса в трубе.

— Если управление примет отзыв сразу, станции останутся без отсрочки.

— Тогда мы наконец увидим настоящую цену их безопасности.

— Люди могут пострадать.

— Поэтому ты сейчас составишь карту живых смен. Соня поднимет хор. Я не исчезаю и не бросаю границу. Я прекращаю разрешать машине говорить, будто она — это я.

Майя долго смотрела на лист.

— Я помогу.

Это не исправляло пяти лет. Но было первым решением, принятым после правды.

Наверху открылась служебная дверь. По лестнице застучали несколько пар обуви.

Комиссия прибыла раньше срока.

Среди шагов Лада услышала ещё один звук: мягкий шелест множества конвертов. Серебряная лента на столе дрогнула. Барабаны сами ускорились, и из раструба полился её смонтированный голос.

На этот раз он не пел.

Он называл адреса.

Речная улица, девять.

Северная станция.

Чердачная площадь.

Потом десятки других — по всему Ардену.

Майя развернула карту. На серых квартальных линиях одна за другой загорались фиолетовые точки.

Лада подняла лист с письменным отказом и встала между машиной и дверью.

До сих пор дирекция использовала её прошлое согласие, чтобы не признавать настоящее «нет».

Теперь ей предстояло заставить город услышать разницу.

Глава 5. Тридцать дней вперёд

Первым в подвал спустился не директор.

Мужчина в светлом форменном пальто держал перед собой папку с таким усердием, словно та могла защитить его от всего, что уже успела назвать машина. За ним шли стенографистка, двое техников концертного управления и госпожа в узких серебряных очках. Последней появилась Элина Тор.

Начальница ночной почты не торопилась. На лестнице звучали чужие адреса, фиолетовые точки ползли по карте, а она остановилась на нижней ступени и поправила перчатку.

— Госпожа Рен, отойдите от оборудования.

Лада подняла лист с отказом выше. Говорить рядом с барабанами она не собиралась.

Соня положила копию отказа на край стола.

— Документ принят в моём присутствии в восемь сорок семь. Госпожа Рен запрещает запись, монтаж и новое использование голоса до независимой проверки.

— Хористка не уполномочена принимать заявления от имени управления, — сказал мужчина с папкой.

— Зато я умею смотреть на часы и писать своё имя. Свидетелем быть могу.

Элина прошла к столу. Голос из раструба назвал Сиреневую набережную, дом два, затем приёмную городского совета. На карте вспыхнули ещё две точки.

— Это аварийная сверка маршрутов, — сказала Элина.

Лада взяла синий карандаш и написала на обороте нотного листа: «ПОЧЕМУ АДРЕСА НАЗЫВАЕТ МОЙ ГОЛОС?»

— Интерфейс выбрал наиболее различимый образец.

Лада подчеркнула слово «выбрал».

— Автоматически, — уточнила Элина. — Система безопасности не обязана согласовывать каждую техническую операцию с исполнителем.

Майя шагнула между ней и барабанами.

— Обязана, если создаёт новые фразы из старых записей.

Один из техников комиссии посмотрел на серебряную ленту и отвёл глаза. Лада указала на него карандашом, затем на стенографистку.

— Господин Нольд, подтвердите, что монтаж использует лицензированный архив, — сказала Элина.

— Архив лицензирован. Способ сборки... находится на внутренней проверке.

— С каких пор? — спросила Соня.

— С сегодняшнего утра.

Раструб произнёс адрес школы мостовых механиков. Из коридора донёсся стук. Лада дёрнулась к двери, но Ивар появился на пороге раньше.

— Тея цела. На её макете сам собой загорелся сигнальный фонарь. Красный. Мы его погасили и записали время.

Он увидел Элину и замер не от страха — от узнавания.

— Старший инспектор Сенн, — произнесла она. — Вы прибыли на одиннадцать лет раньше учреждения своей службы.

— А вы знаете её название за одиннадцать лет до учреждения.

Элина сняла очки.

— Ночная почта получает множество проектов будущих распоряжений.

— Получает или отбирает?

— Сейчас вы не обладаете полномочиями задавать вопросы.

— Зато обладаю памятью о последствиях.

Лада ударила карандашом по столу и написала: «ТОЛЬКО ПРОВЕРЯЕМОЕ СЕЙЧАС». Ивар кивнул.

— Тогда покажите предел извлечения писем.

— Почтовая тайна.

В раструбе зашуршало. Голос Лады начал новый адрес, но на середине улицы сорвался в низкое дыхание из другой записи. Майя схватила тормозную рукоять. Барабаны замедлились, и на серебряной ленте проступили строки — тени чернил, ещё не нанесённых на бумагу.

— Здесь даты, — сказала Майя.

Лада приблизила лампу. Завтра, через четыре дня, через девятнадцать. Каждой строке соответствовали адрес и метка: «Прочесть», «Оставить соседу», «Вручить при свидетелях». Некоторые были перечёркнуты фиолетовым.

— Маршрутная выборка, — сказал Ивар. — Не весь поток.

— Нельзя развезти всё, что люди способны написать, — ответила Элина.

— По какому правилу выбирают?

— По общественной значимости.

Лада написала крупно: «КТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ЗНАЧИМОСТЬ?»

Элина посмотрела на стенографистку.

— Прекратите протоколирование.

Перо замерло.

— Продолжайте, — сказала Соня. — Я назову вслух всё, что вы не успеете записать.

Юрист в серебряных очках вмешалась:

— Комиссия не может запретить свидетелю вести личные записи. Но госпожа Рен обязана исполнить аварийный пункт контракта.

Лада написала: «ПОКА МОЙ ОТКАЗ НЕ УЧТЁН, Я НЕ ПРОИЗНЕСУ НИ ЗВУКА ДЛЯ ЭТОЙ СИСТЕМЫ».

— Тогда город останется без резерва.

Майя разложила карту живых смен поверх фиолетовых линий.

— На десяти станциях дежурят певцы. На западную можно вызвать смену из училища через сорок минут. На северную Лада поедет сама, если шов разойдётся. Немедленной необходимости в записи нет.

— Вы не можете гарантировать безопасность.

— И барабаны не могут. Они дают отсрочку, которую пять лет называют удержанием.

Элина протянула руку к стопорному рычагу. Лада опередила её и положила поверх рычага письменный отказ. Чтобы продолжить, начальнице почты пришлось бы разорвать документ на глазах комиссии.

— Вы принимаете естественные колебания возможного за умысел, — сказала Элина. — Через месяц большинство этих писем не будет написано.

— Не через год? — спросил Ивар. — Не через одиннадцать лет?

— Я сказала образно.

Майя читала даты на ленте.

— Самая дальняя — шестое октября.

Сегодня было шестое сентября.

— Тридцать дней, — сказала Соня.

Майя сняла пустую катушку и развернула на столе столько ленты, сколько позволяла камера. Техник Нольд, поколебавшись, помог сохранить натяжение. Даты шли беспорядочно, но ни одна не выходила за тридцатый день.

— Возможное намерение ещё должно быть связным, — сказал Ивар. — Дальше слишком много развилок.

— Это гипотеза, — заметила юрист.

Ивар положил перед всеми чистый лист.

— Я намерен написать письмо через тридцать один день.

Лента не дрогнула.

— А через тридцать?

На листе проступил водяной знак «Эпистолы» и исчез.

— Через двадцать девять дней.

Знак вернулся ярче.

— Двадцать девять входит, тридцать один нет, — сказала Соня стенографистке.

Лада поставила рядом собственный лист, написала дату через тридцать дней и фразу: «Я решу в тот день, хочу ли писать».

Водяной знак не появился.

— Нет связного намерения, — сказал Ивар.

Лада дописала: «Я напишу Майе, что пришла на вечерний чай».

Бумага потеплела. На ней проступила рамка конверта.

— Ты никогда не предупреждаешь, что придёшь, — сказала Майя.

Лада едва не рассмеялась. Смех пришлось удержать, как ноту рядом с микрофоном. Она зачеркнула обещание, и рамка исчезла.

— Намерение можно отозвать до извлечения, — сказала Майя. — После извлечения остаётся предмет, способный пережить перемену решения.

— А после прочтения предмет меняет условия вокруг адресата, — добавил Ивар.

Дверь распахнулась. Тея вошла с крошечной латунной пластинкой на ладони. За ней спешил почтальон с ремонтным ящиком.

— Это было внутри моей шестерни. Я выточила её вчера сама. Пластинки не было.

— Не трогайте, — приказала Элина.

Тея сжала пальцы.

— Вот теперь точно не отдам.

— Макет цел? — спросила Соня за молчащую Ладу.

— Фонарь загорается, когда кто-нибудь говорит, что мне лучше бросить работу и идти к каналу. И гаснет, если я называю, что собиралась сделать до письма.

— Значит, сопровождение усиливает повторение заданного выбора, — сказала Майя. — А прежнее намерение ему сопротивляется.

Тея увидела Элину.

— Вы отправили мне письмо?

— Почта не пишет письма за граждан.

— Но решает, какое моё будущее принести мне сейчас.

— В девятнадцать лет люди редко понимают цену предупреждений, от которых отказываются.

Лада написала: «ЕЁ ВОЗРАСТ НЕ ОТМЕНЯЕТ ОТКАЗ». Ниже добавила: «И МОЙ ТОЖЕ».

Барабан выбросил в лоток узкую карточку. Почтальон поднял её щипцами.

— Сортировочное задание. Семьдесят два возможных письма. К перевозке допущены восемнадцать.

— Здесь категории, — продолжил он. — «Управляемая эвакуация». «Кадровое решение». «Закупка». «Публичное согласие». «Отложенный протест».

Последние два слова были обведены фиолетовыми чернилами.

— Покажите, — потребовала Элина.

— Только по акту.

Почтальон положил карточку в ящик рядом с письмом Теи и повернул свой ключ. Лада закрыла второй замок.

— Город у Складки не может позволить себе роскошь каждого несовершенного выбора, — сказала Элина. — Одно вовремя прочитанное письмо способно освободить улицу до разрыва, остановить некомпетентное назначение, предупредить пожар.

— Или создать красный свет, к которому потом придётся вести человека, — сказал Ивар.

— Иногда вероятность нуждается в помощи.

Майя успела переписать номера допущенных писем и сравнила их с журналом.

— Семнадцать из восемнадцати ведут в учреждения, связанные с решениями городского совета. Восемнадцатое — Тее.

— Почему она? — спросила Соня.

— Мой мост, — догадалась Тея.

Она развернула чертёж: разводной пешеходный мост с независимым ручным приводом.

— Комиссия по каналам принимает конструкции через три недели. Победивший проект испытают на Речной.

Майя приложила чертёж к карте. Ручной привод пересекал чёрную жилу тринадцатого маршрута.

— Если Тея идёт к каналу в назначенный вечер, она не заканчивает макет, — сказала Соня.

— И существующий мост остаётся без независимого размыкателя, — закончил Ивар.

— Моё письмо не предупреждение, — сказала Тея. — Это способ убрать проект из конкурса.

Юрист комиссии закрыла папку.

— До выяснения обстоятельств новые записи производиться не будут. Письменный отзыв получен, назначение монтажа не раскрыто, необходимость нового материала не доказана.

— Запишите и это, — сказала Соня.

Стенографистка записала.

Элина повернулась к Ладе.

— Барабаны останутся в работе. Если остановите маршрут или голосовой резерв и кто-нибудь пострадает, ответственность будет вашей.

Лада написала: «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БУДЕТ НАЗВАНА ПО ДЕЙСТВИЯМ КАЖДОГО» — и дождалась, пока фраза войдёт в протокол.

У лестницы Элина задержалась рядом с Иваром.

— Будущее, которое вы помните, уже исчезает.

— Поэтому вы его боитесь или поэтому хотите вернуть?

— Я хочу, чтобы у города оно было.

— У города или у вас?

Элина не ответила.

Техник Нольд остался на секунду дольше и сунул Майе медную скобу.

— Лента делает полный оборот каждые четыре часа. Если хотите увидеть недопущенные письма, ищите стёртый слой под направляющей.

Под крышкой обнаружилась вторая лента, серая от бумажной пыли. На ней теснились причины отказа: «Не соответствует утверждённой эвакуации». «Меняет исход голосования». «Создаёт независимый маршрут снабжения». «Отзывает согласие».

Последняя повторялась чаще других.

Соня считала строки, Майя переписывала номера, почтальон сверял их с формуляром. Тея держала лампу. Ивар не касался ленты, только называл признаки, которые можно будет проверить независимо.

Майя нашла строку без номера.

Дата была завтрашняя. Адрес — северная станция. Причина отбора:

«Доставка создаёт присутствие исполнительницы на платформе».

Лада перечитала запись дважды. Её письмо выбрали, чтобы закрытый конверт заставил её поехать к северному шву, встретить поезд и привести инспектора в город.

— Они не предсказывают решения, — сказала Соня. — Они расставляют причины.

Ивар смотрел на строку так, будто увидел собственную цепь.

— Моё прибытие тоже было отобрано.

Лада написала: «НО ТВОИ СЛЕДУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ — НЕТ».

Он прочёл, не пытаясь превратить слова в обещание.

— Как и ваши.

За стеной часы Большого зала пробили десять. На столе лежало доказательство тридцатидневного предела, список восемнадцати выбранных доставок и стёртая лента с пятьюдесятью четырьмя отвергнутыми возможностями. Этого было недостаточно, чтобы остановить поезд. Но достаточно, чтобы перестать называть его нейтральным.

В запертом ремонтном ящике зашуршала бумага.

Не письмо Теи. Другой конверт — тот, что оставался под тремя ключами на северной станции, — отозвался через чёрную жилу. По карте пробежала серебряная волна.

На серой ленте проступила новая строка:

«Не садись в поезд».

А рядом — метка голоса Лады, поставленная завтрашним днём.

Глава 6. Письмо I: «Не садись в поезд»

Письмо пришло без конверта.

Между барабанами натянулся тонкий лист, будто бумагу делали из воздуха подвала. На белеющей середине появлялся почерк Лады: слишком прямая «д», короткие хвосты у «у», нажим после точки.

Но писала не та Лада, которая стояла перед раструбом.

Ивар поставил перед листом стеклянный экран.

— Не читать вслух. Если текст предназначен вам, одного взгляда может хватить для частичной доставки.

— Первую строку Лада уже увидела, — сказала Соня.

«Не садись в поезд».

Тея накрыла бумагу нотной папкой. Под картоном продолжался сухой бег невидимого пера.

— Оно связано с конвертом на северной станции, — сказала Майя. — Почему проявилось здесь?

Почтальон постучал по ремонтному ящику.

— Мы заперли сортировочную карточку вместе с уже доставленным письмом. Ящик стал временным отделением.

— Тогда мы можем отказать в приёме, — сказала Тея.

— Можем, — подтвердил Ивар. — Но прочитанная строка уже создаёт причины не садиться — или причины оказаться рядом с поездом, чтобы отказаться.

Лада написала: «РАЗНИЦА?»

— Для маршрута почти никакой. Для вас — вся.

Все ждали решения Лады. Так система и работала: ставила один предмет посреди комнаты, и люди начинали считать его единственным важным выбором.

Лада указала на стёртую ленту и карту. Написала: «СНАЧАЛА КОПИИ. ПИСЬМО — В ИЗОЛЯТОР. НЕ ЧИТАТЬ».

Они перенесли лист в старую акустическую камеру. Майя заземлила экран медной сеткой, почтальон повесил пломбу, Тея подписала акт отказа быть случайным читателем. Третий ключ Соня отдала дежурной малого хора.

Когда дверь закрылась, на площади зазвонил северный тревожный колокол.

Один удар. Пауза. Ещё два.

Разрыв на пути.

Посыльный с северной станции встретил их наверху. Мальчишка едва дышал.

— Контейнер нагрелся. Дежурная просит госпожу Рен приехать и спеть.

Предупреждение уже расставляло причины.

Лада подошла к окну. До северной станции вели трамвай, тоннель и почтовый путь. Ни один не требовал садиться в «Эпистолу». Но письмо назвало конкретное действие, превратив поезд в центр внимания.

— Я поеду с тобой, — сказала Майя.

— Нет. Ты останешься копировать ленты, — впервые за утро произнесла Лада.

Все посмотрели на разобранную записывающую головку.

— Она не пишет, — заверила Майя.

— Проверь ещё раз.

Майя проверила.

— Соня остаётся с Теей и доказательствами. Я еду на север по земле.

— Со мной, — сказал Ивар. — Я знаю поведение поезда. Но если моё присутствие сильнее стягивает вероятность, останусь.

Лада хотела взять его потому, что дважды он остановился там, где мог решить за неё. Этого было мало для доверия во всём, но достаточно для одной дороги.

— Поедете. Маршрут выбираю я.

У ворот стоял чёрный почтовый автобус, которого пять минут назад там не было. Табличка обещала прямой рейс на северную станцию. Лада прошла мимо.

У дрезины оказался снят приводной ремень. Первый экипаж был заперт, у второго хромала лошадь, третий кучер имел приказ везти Ладу к центральной почте. На трамвайной остановке толпились люди: кто-то уже пустил слух о разрыве.

— Письмо не заставляет, — сказал Ивар. — Оно уменьшает число удобных путей.

— Найдём неудобный.

Лада пошла вдоль канала. У ремонтной лодки на дне лежал мокрый ключ, похожий на возникший у Теи. Она заперла лодку снова.

— Маршрут предлагает способы, которые сам подготовил, — сказала она.

Они продолжили пешком. Колокол ударил снова, и Лада различила правильный интервал: учебная тревога, не разрыв Складки.

У старого моста их догнала девочка из хора с запиской Сони: «Контейнер остыл. Дежурная вызова не посылала».

— Возвращаемся? — спросил Ивар.

Если вернуться, письмо определит отказ. Если продолжить — тоже приведёт на платформу.

— Мы идём проверить, кто отправил посыльного и почему ремонт рельса совпал с проявлением письма.

Цель действия имела значение. Граница ведь тоже держалась лишь тогда, когда певец понимал, для чего звучит.

На северной станции обычные часы показывали без четверти одиннадцать. Часы над тринадцатым путём — полночь.

— Я никого не посылала, — сказала дежурная. — Контейнер тихий. Ремонтники меняют стык на двенадцатом пути по приказу центральной почты.

Рабочие уже вынули серебряный болт. Под рельсом чернела жила. Новый стык лежал рядом — гладкий, без аварийного размыкателя.

— Остановите замену, — велела Лада.

Бригадир показал приказ Элины Тор: завершить до прибытия ночного состава. Внизу стояла категория «Управляемая эвакуация».

— Ремонт назначили три дня назад, — сказал он.

— А письмо выбрали сегодня, потому что ремонт уже был назначен, — ответил Ивар.

Из тоннеля дохнуло тёплым бумажным воздухом.

Чёрный поезд шёл днём.

Он замедлялся у вынутаго стыка. Если поставить новую деталь, жила соединится с голосовым швом без механического размыкателя.

— Всем за белую линию! — крикнула Лада.

Дверь первого вагона открылась. Внутри лежал её распечатанный конверт. Ступенька выдвинулась к её ногам. За дверью находился рычаг, способный отвести состав от нового стыка. С платформы не дотянуться.

Предупреждение создало идеальную форму послушания: чтобы не сесть, надо позволить замкнуть маршрут; чтобы остановить соединение — войти и нарушить первую строку.

— Я могу, — сказал Ивар.

— Поезд считает вас посылкой. Не выпустит.

Лада ударила камертоном о перила. В одной возможности она оставалась на платформе и маршрут замыкался. В другой входила, дёргала рычаг и оказывалась внутри закрывшихся дверей.

Обе были слишком удобны кому-то ещё.

— Аварийный лом!

Лада просунула лом между ступенькой и дверью.

— Ивар, зацепите рычаг ремнём.

Он сделал петлю из ремня футляра и набросил её на рукоять. Петля соскользнула. Поезд тронулся.

Лада запела одну чистую ноту — не для станции, а для металлической пряжки. Назвала себе срок: три удара сердца. Цель: удержать петлю на рычаге.

Пряжка легла точно в паз.

— Сейчас!

Они потянули вместе. Рычаг повернулся. Старый размыкатель щёлкнул, чёрная жила отпрянула от нового стыка. Дверь попыталась закрыться, но лом удержал её. Поезд прошёл мимо, не забрав ни одного из них.

На третьем ударе сердца Лада оборвала ноту.

Граница осталась на месте.

— Вы не сели, — сказал Ивар.

— И не подчинилась. Это не одно и то же.

На платформе остался обрывок конверта с одной неп прочитанной строкой. Лада накрыла её ладонью и передала дежурной для изолятора.

Журнал допуска показал: мальчик получил записку от женщины в форме центрального архива. Фиолетовый штамп был поставлен в девять пятьдесят восемь — за две минуты до проявления письма.

— Подготовили заранее, — сказал Ивар.

— Знали, какое письмо допустят.

Лада велела сохранить старый стык, приказ и журнал. Новый рельс опломбировали. Затем она села на край платформы — не в поезд — и закрыла глаза.

— В вашей версии будущего я прочла письмо целиком? — спросила она.

— Да.

— И села?

— Да.

— Что было во второй строке?

— Не скажу. Сейчас это уже не знание, а способ направить вас.

Ей хотелось знать. Но его отказ не лишил её выбора — возвращал его.

— Спасибо.

Ивар принял благодарность только за этот поступок.

Лада поднялась.

— Возвращаемся. Нужен список всех двенадцати станций и способов физически разорвать маршрут.

— Письмо привело вас именно к этому.

— Нет. Письмо привело меня к двери вагона. Дальше пошла я.

Глава 7. Двенадцать станций

К полудню обычный почтовый состав выглядел почти оскорбительно безопасным.

Шесть зелёных вагонов, медные номера, белые фонари над дверями. На перроне пахло угольной пылью и яблоками из корзины буфетчицы. Пассажиры спорили из-за мест, носильщик искал хозяйку клетки с сонным гусём, кондуктор мелом записывал задержку на доске. Ничто не напоминало чёрный дневной поезд, кроме слишком ровной тени под последним вагоном.

Лада стояла у карты Ардена. Двенадцать станций образовывали кольцо вокруг Складки. На каждой возле названия был нарисован свой знак аварийного размыкания: рычаг, болт, цепь, водяной затвор. У Северной знак перечеркнули красным — новый стык пока лежал под пломбой.

— Проверяем обычный рейс, — сказала она. — Не ловим невозможный поезд. Не читаем письма. Не исправляем будущее. Наша задача — понять, где реестр расходится с грузом.

Ивар положил на стол три пустые ведомости.

— Один список ведёт кондуктор. Второй — мы. Третий останется у Сони и будет приниматься по телеграфу после каждой станции. Если маршрут меняет бумагу рядом с собой, удалённая копия сохранит расхождение.

— А если он меняет память? — спросила Тея.

Она пришла из мастерской с деревянной линейкой за поясом и следом синей краски на щеке. Лада предлагала ей остаться, но Тея ответила, что письмо уже сделало её частью опыта без согласия, поэтому право наблюдать за последствиями принадлежит и ей.

— Тогда нужны не только списки, — сказала Лада. — На каждой станции называем вслух, зачем едем и что решили до посадки.

— Я записываю не слова, а изменения, — добавила Майя. На её коленях лежал раскрытый футляр с камертонами. — Если кто-то вдруг вспомнит другую цель, сравним её с откликом металла.

Соня осталась в диспетчерской. Перед отправлением она поставила на стол телеграфа маленький колокол.

— Если получите приказ без моего контрольного слова, не исполняйте. Если я забуду слово, считайте связь нарушенной.

— Контрольное слово? — переспросил Ивар.

— «Репа».

Тея фыркнула.

— Почему репа?

— Потому что ни одна торжественная дирекция не выберет её для тайного приказа.

Лада первой написала в своей ведомости: «Еду по собственной воле. Цель — сопоставить двенадцать станций, груз и физические размыкатели. Не даю согласия на получение возможных писем».

Каждый подписал такую же строку. Ивар задержал перо над последней фразой.

— В моей службе инспектор считался допустимым сопровождающим для любой корреспонденции.

— Эта служба ещё не создана, — сказала Лада.

— Поэтому я и задержался.

Он дописал отказ.

Они заняли служебное купе в первом вагоне. Кондуктор господин Варен принёс грузовую книгу, ключи и двенадцать серых пломб. На вид ему было около шестидесяти; он носил очки на чёрной ленте и обращался к каждому мешку так, будто тот мог пожаловаться начальству.

— На круговом рейсе тридцать восемь мест для корреспонденции, — объяснил он. — Двенадцать станционных шкафов по три полки и две курьерские ячейки. Всё считается при отправлении, прибытии и передаче.

— Тридцать восемь, — повторила Тея. — А не тридцать девять?

Варен посмотрел на неё поверх очков.

— Если обнаружите тридцать девятое, я лично попрошу его предъявить билет.

Поезд тронулся. Лада почувствовала Северный шов раньше, чем за окном поплыли кирпичные склады. Граница отзывалась на движение лёгким давлением под языком, но голоса не требовала. Дневная смена хора держала участок сама.

Первый шкаф находился в багажном вагоне. Три железные полки, каждая с выбитым номером. Варен открыл их по очереди. Письма лежали в холщовых кассетах, разделённые по улицам. Ивар не касался конвертов голой рукой: надевал тонкие серые перчатки и проверял бумагу пластинкой из матового стекла.

— Обычные, — сказал он. — Написаны до отправления. Причина предшествует доставке.

— Удивительно полезное свойство почты, — заметила Майя.

На Пристанской станции Варен снял пломбу номер один, передал два мешка и принял один. Лада телеграфировала числа Соне. Ответ пришёл сразу: «ДВА УШЛИ ОДИН ПРИНЯТ РЕПА».

Под сообщением проступила вторая строка: «НЕ ПРОВЕРЯЙТЕ НИЖНЮЮ ПОЛКУ». Бумага была та же, но пробойник телеграфа выбил буквы чуть глубже.

— Не Соня, — сказала Тея.

Ивар вырвал ленту до того, как Варен успел прочитать нижнюю строку целиком, и запер её в стеклянной папке.

— Маршрут знает, что мы считаем.

— Значит, считаем дальше, — ответила Лада. — И добавляем поддельные приказы в отдельный столбец.

На Медной станции ничего не изменилось. На Садовой госпожа с двумя коробками пирожных попыталась передать кондуктору письмо без марки: оно было адресовано ей самой на следующий вторник. Варен отказался, но женщина удивилась.

— Я нашла его на сиденье. Разве оно не ваше?

Ивар поднял стекло. На краю конверта дрожал серебристый знак возможного письма.

— Не открывайте. Вы хотите его получить?

— Не знаю.

— Тогда ответа нет.

Он не взял конверт. Лада попросила женщину положить его в пустую металлическую урну на платформе и закрыть крышку. Они составили акт находки, не называя отказ согласием и сомнение — разрешением.

Когда поезд снова двинулся, в грузовой книге Варена появилась запись: «Принято: одно, личная подача».

— Я этого не писал, — сказал кондуктор.

Чернила ещё блестели. Его рука невольно потянулась поставить рядом служебную отметку, будто незавершённая строка требовала привычного жеста.

Лада накрыла пустую клетку ведомости ладонью.

— Назовите цель рейса.

Варен моргнул.

— Доставить всё принятое по назначению.

— Это ваша обычная обязанность. А цель нашей проверки?

Он нахмурился, посмотрел на три списка и медленно произнёс:

— Найти расхождение между реестром и грузом.

Перо выпало из его пальцев.

Майя ударила самый низкий камертон. Металл ответил двумя биениями вместо одного.

— Второе намерение цепляется к привычке, — сказала она. — Оно не стирает память. Подсовывает действие, которое кажется завершением начатого.

Тея записала: «Сомнение пассажирки превращено в приём; служебная привычка кондуктора использована как подпись».

— Красивее, чем приказ, — сказал Ивар. — Человек сам дописывает нужную строку.

Лада вспомнила ступеньку чёрного вагона и рычаг внутри. Система любила действия, которые выглядели единственно профессиональными.

На Оранжерейной станции они проверили водяной затвор. На Часовой — цепь под платформой. На Рыночной аварийный ключ оказался залит воском: кто-то превратил рабочий механизм в памятную печать для городского праздника. Варен покраснел и велел дежурным очистить его до вечера.

— Не до вечера, — сказала Лада. — Сейчас.

— Поезд задержится.

— Значит, задержится.

Пассажиры ворчали пятнадцать минут, пока рабочий выскребал воск из замка. Лада не пела, чтобы ускорить дело. Обычная задержка была ценой настоящего ремонта, а не катастрофой, которую следовало оплачивать её голосом.

Соня каждый раз подтверждала числа и контрольное слово. К шестой станции в удалённом списке значилось двадцать семь занятых мест. У Варена — двадцать восемь. В их собственной ведомости — тоже двадцать семь.

Лишним считалось письмо из урны, которое осталось на Садовой.

— Реестр принял то, чего в вагоне нет, — сказала Тея. — Мы ищем тайный груз, а нашли тайную пустоту.

— Пустота может быть местом, — ответил Ивар.

Он попросил Варена показать план багажного вагона. Тридцать восемь прямоугольников теснились вокруг узкого прохода. Между шкафами шестой и седьмой станций была нарисована стена толщиной в ладонь.

Тея измерила её линейкой.

Снаружи между стойками оказалось сорок два сантиметра. Внутри — двадцать семь.

— Пятнадцать сантиметров пропали, — сказала она.

— Для полки мало, — возразил Варен.

— Для письма много.

Обшивка не имела замка. Майя провела камертоном вдоль заклёпок; возле средней звук оборвался, словно металл на мгновение забыл продолжение.

Лада приложила ладонь к стене. Изнутри донёсся сухой шелест. Не один лист — десятки.

— Вскрываем? — спросил Варен.

— Сначала фиксируем, что слышим, — сказала она.

Они позвали двух пассажиров как свидетелей: булочницу с Пристанской и учителя географии, ехавшего до Южной. Никому не объясняли содержание писем, только показали несовпадение размеров. Соня приняла телеграмму: «МЕЖДУ ШЕСТЫМ И СЕДЬМЫМ ШКАФОМ СКРЫТО ПЯТНАДЦАТЬ САНТИМЕТРОВ РЕПА».

Ответ пришёл через минуту: «УДАЛЁННАЯ КОПИЯ СОХРАНЕНА РЕПА».

Тея поддела среднюю заклёпку концом линейки. Та вышла без усилия. За металлическим листом обнаружилась щель и узкая чёрная ручка.

Ивар побледнел.

— Не трогайте.

— Вы её узнаете? — спросила Лада.

— В моём времени такие ручки ставили на карантинные ячейки.

— Что в них хранили?

— Корреспонденцию, для которой согласие ещё не установлено.

— А здесь служба ещё не создана, — напомнила Тея.

Ивар принял укол без возражения.

— Значит, кто-то перенёс не только правила, но и устройство.

На ручке не было ни печати, ни номера. Лада обвязала её белой нитью, второй конец закрепила на кольце размыкателя. Если дверца потянет руку или изменит положение, нить порвётся раньше.

— Открываем на ширину пальца. Никто не читает адреса.

За панелью лежала полка. Пятнадцати сантиметров ей хватало, потому что она уходила не поперёк вагона, а куда-то вдоль тени. Ближний край был пуст. Дальше белели конверты, уменьшаясь не по размеру, а по расстоянию.

На внутренней стороне дверцы светила цифра тринадцать.

Учитель географии снял очки, протёр их и снова надел.

— На плане нет тринадцатого шкафа.

— Теперь есть свидетельство, что нет, — сказала Лада.

Ивар поднял матовое стекло, не приближая его к письмам. По поверхности побежали серебряные точки — так густо, что слились в линию.

— Все возможные.

— Сколько? — спросил Варен.

— Не считаем листы, — резко ответил Ивар. — Счёт может стать регистрацией.

Тея посмотрела на него.

— А отсутствие счёта позволяет возить сколько угодно вне реестра.

— Тогда считаем места, не письма, — решила Лада. — Пустое, занятое, пустое. Без адресов и дат.

Она не позволила страху выбрать метод за них. Майя настроила камертон на отклик бумаги. Каждый занятый участок давал короткое дрожание. Тея отмечала штрихи, Варен вслух называл только порядковые номера участков, а Ивар следил, чтобы никто не задерживал взгляд на конвертах.

Сорок один занятый участок.

Тридцать восемь законных мест во всём вагоне и ещё сорок одно письмо на полке, которой не существовало.

— Почему край пуст? — спросила Майя.

Пока они считали, ближайшее место оставалось свободным. Но грузовая книга Варена раскрылась сама. Чернильная строка про письмо женщины с Садовой дрогнула. Между словами «личная» и «подача» вырос тонкий фиолетовый штрих.

В глубине полки что-то зашуршало.

По невидимой поверхности к ним скользнул новый конверт. Он остановился на пустом краю.

Адрес был повернут вниз. Никто его не прочёл.

Тея сжала линейку.

— Оно осталось в урне.

— Бумага осталась, — сказал Ивар. — Маршрут перевёз право считать её принятой.

— Не право, — поправила Лада. — Притязание.

Она достала акт с Садовой. Пассажира не дала согласия. Варен не принял письмо. Свидетели подписали место находки. Однако тринадцатая полка получила копию возможного конверта, потому что реестр превратил сомнение в действие.

Лада закрыла панель и поставила на неё три пломбы: кондуктора, пассажирских свидетелей и свою. Ивар протянул инспекторскую печать, но остановился.

— Моё удостоверение здесь не имеет законной силы.

— Как свидетель вы силу имеете, — сказала Тея.

Он подписался без титула.

На Южной станции поезд встретили двое служащих центральной почты. Их фиолетовые воротники были того же оттенка, что штамп на записке ложного посыльного.

— По распоряжению госпожи Тор багажный вагон следует отцепить для внеплановой санитарной обработки, — объявила старшая.

Варен по привычке потянулся к ключам.

Лада спросила:

— По какой причине?

— Получен сигнал о заражённой корреспонденции.

— Номер сигнала?

Служащая назвала его. Ивар сверился с журналом и показал пустую строку.

— Такой номер будет выдан завтра, если нумерация продолжится в обычном порядке.

Женщина не удивилась.

— Тем более нельзя медлить.

— Будущее не является вашим пропуском, — сказала Лада.

Она встала между служащими и сцепкой. Вокруг уже собирались пассажиры. Учитель географии держал копию плана, булочница — акт измерения. Уничтожить находку тихо не получится.

— В вагоне обнаружено незарегистрированное пространство, — продолжила Лада. — До совместной описи вагон остаётся в составе. Любое распоряжение принимается только с сегодняшним номером, причиной и именем ответственного.

— Вы певица, а не почтовый контролёр.

— Поэтому я не контролирую почту. Я не позволяю подключить мой голос к грузу, которого нет в вашем реестре.

Служащая посмотрела на Ивара.

— А он кто?

— Сегодня — свидетель, — ответил он.

Поезд задержался ещё на двадцать две минуты. Центральная почта не прислала действительного приказа. Служащие ушли, пообещав доложить Элине Тор.

На следующих станциях размыкатели проверяли уже вместе с местными дежурными и двумя случайно выбранными пассажирами. Лада хотела, чтобы знание перестало помещаться в одном кабинете. На Восточной нашли снятую цепь. На Тихой — исправный ручной затвор и хор из трёх пожилых сестёр, которые отказались передавать ключ дирекции без письменной причины. На Чердачной Тея увидела крышу своей мастерской и впервые за весь рейс улыбнулась.

— Мой макет всё ещё там, — сказала она.

— Вы сомневались? — спросил Варен.

— Нет. Но маршрут очень старается, чтобы я сомневалась во всём, кроме его письма.

Она сошла на две минуты, передала мастеру записку и вернулась до свистка. Красного света над каналом не появилось. В её кармане не возник новый ключ.

К Северной поезд подошёл вечером. Часы над двенадцатым путём показывали правильное время; часы над несуществующим тринадцатым всё ещё держали полночь.

Пломбы на скрытой панели были целы. Но когда Варен открыл грузовую книгу, лишняя запись исчезла. Теперь все три официальных итога сходились: двадцать семь мест.

Соня прислала удалённую копию. На ней оставалось двадцать восемь и пометка о Садовой.

— Маршрут подчистил ближайший документ, — сказала Майя. — Не смог добраться до диспетчерской.

— Или оставил нам именно то расхождение, которое мы ожидали найти, — возразил Ивар.

Лада посмотрела на трижды опломбированную стену.

— Полка от этого не исчезла.

Они закончили круг там, где начали. Соня встретила их у телеграфа, разложив на полу двенадцать листов — по одному на станцию. На четырёх размыкатели были исправны. На пяти требовался ремонт. На трёх механизм существовал только в старом плане.

Посередине лежала удалённая ведомость с лишним письмом.

— Элина уже требует передать ей оригиналы, — сказала Соня. — Я ответила, что оригиналов четыре и они у разных людей.

— Репа? — спросила Тея.

— Репа.

Варен снял очки.

— Тридцать лет я считал, что хороший кондуктор знает каждое место в своём вагоне.

— Хороший кондуктор заметил, когда ему дописали груз, — сказала Лада.

Она провела пальцем по кругу станций. Чёрный маршрут не был отдельным поездом, появляющимся из тоннеля. Он жил внутри обычного порядка: в стене между шкафами, в завтрашнем номере приказа, в привычке дописать строку, в размыкателе, превращённом в украшение.

Ивар положил рядом схему карантинной ячейки, нарисованную по памяти.

— В моей ветви тринадцатая полка считалась временной мерой. Письмо хранили там, пока служба не установит согласие.

— А кто решал, что согласие установлено? — спросила Лада.

Он долго не отвечал.

— Инспектор.

— Один человек?

— Да.

— Тогда ваша будущая служба не исправила эту систему. Только дала ей форму.

Ивар не защищался.

— Похоже на то.

Это признание стоило больше уверенного рассказа о будущем. Лада видела, как он отказывается от преимущества, на котором держалась его профессия. Но отказ от старой власти ещё не создавал нового порядка.

— Завтра составим открытый реестр всех двенадцати размыкателей, — сказала она. — И отдельное правило: сомнение не считается согласием, молчание не считается приёмом, привычное действие служащего не заменяет решение автора или адресата.

— Дирекция не утвердит, — заметила Майя.

— Поэтому сначала проверим, кому на самом деле нужен единственный голос и единственный инспектор.

Снаружи загудел вечерний поезд. На карте дрогнули двенадцать серебряных нитей. Между ними проступила тринадцатая — не ведущая к станции, а соединяющая пустые места во всех ведомостях.

В запечатанном вагоне за стеной тихо опустился ещё один конверт.

Глава 8. Чужая память о поцелуе

После кругового рейса Лада обнаружила в своём пальто чужую привычку.

Она вошла в комнату дежурных, повесила пальто на крайний крючок и машинально оставила соседний свободным. Не потому, что там висела одежда Ивара: его дорожное пальто лежало в комнате свидетелей под описью. Просто тело заранее знало, что он выберет крючок справа.

Лада сняла пальто обратно.

— Что случилось? — спросила Майя.

— Я оставила ему место.

— Это преступление только в очень тесной гардеробной.

— Я не знаю, откуда знала, какое место он выберет.

Майя перестала улыбаться. Она ударила камертоном возле крючьев. Чистый звук, без второго биения.

— Маршрут не подталкивает.

— Или научился не звучать.

За окном темнел перрон. Ивар вместе с Вареном сдавал копии ведомостей городскому нотариусу. Он действительно повесил бы пальто справа: правой рукой было удобнее снимать застёжку футляра, не задевая стену. Лада могла заметить это раньше. Могла догадаться. Но теперь любое знание рядом с ним делилось на своё и принесённое из будущего.

— Ты хочешь, чтобы я осталась? — спросила Майя.

Лада покачала головой.

— Хочу сначала поговорить с ним без свидетеля. Потом зафиксируем результат.

— Если передумаешь, позвони в колокол один раз.

Майя ушла в диспетчерскую. Лада поставила два стула по разные стороны стола. На середину положила пустой лист, карандаш и песочные часы на десять минут.

Ивар вернулся без пальто. Увидел расположение стульев и сел не справа, а напротив.

— Вы оставили свободный крючок, — сказал он.

— Значит, заметили.

— В моей памяти вы делали так же.

Лада перевернула часы.

— Вот об этом мы и поговорим. Один раз, точно. Потом вы не используете вашу память, чтобы объяснять мои жесты.

Он снял перчатки и положил ладони на колени.

— Согласен.

— Между нами в вашей ветви была близость?

— Да.

— Какая?

Ивар посмотрел не на неё, а на падающий песок.

— Мы работали вместе. Спорили. Несколько месяцев жили в одном доме возле Восточной станции.

— Были любовниками?

— Да.

Слово не причинило боли. Оно причинило тесноту, будто в комнате появился третий человек — женщина с её лицом и прожитыми решениями, которых Лада не принимала.

— Вы меня целовали?

— Да.

— И поэтому иногда смотрите на меня так, словно ждёте продолжения разговора?

Ивар поднял глаза.

— Иногда я забываю, что продолжения здесь не было. Это моя ошибка, не ваша обязанность.

— Вы рассказывали той Ладе о нашей встрече заранее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.